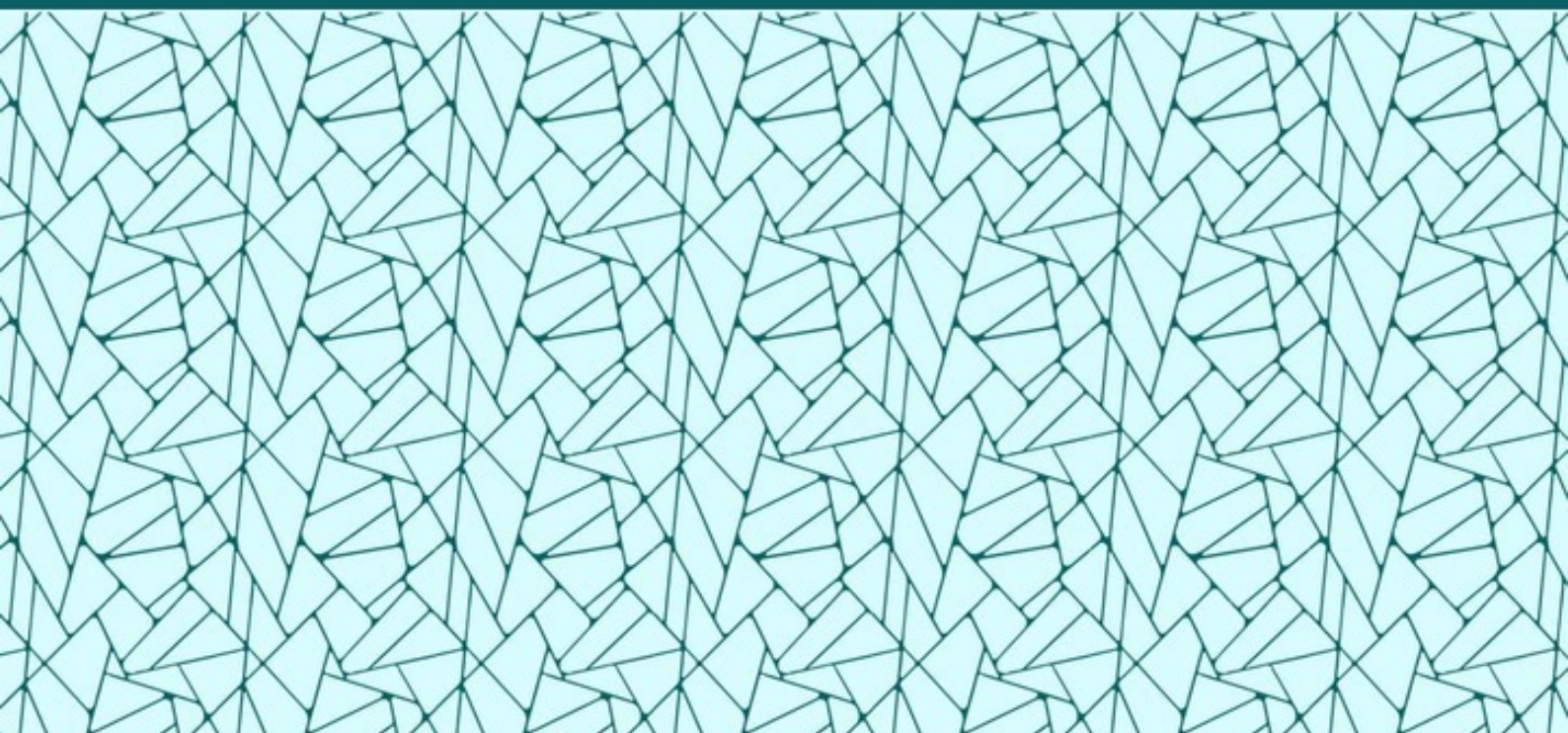

Виктор Ааб

*Время
не знает
пути своего*

Депрессия

Виктор Ааб

**Время не знает пути
своего. Депрессия**

«Издательские решения»

Ааб В. В.

Время не знает пути своего. Депрессия / В. В. Ааб —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900956-2

Первые годы после развала СССР. Сбиты ориентиры. Разброд и шатания в умах. Жизнь меняется в государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве. Еще сохраняется надежда, что всё хорошее, наработанное за многие годы, сохранится и не будет развалено окончательно. Шоковая терапия — это же временно! Герой романа работает на благополучном предприятии. Его профессия востребована, но всё равно — нет уверенности в завтрашнем дне. Неуверенность и стресс. Стресс и неуверенность! Об этом — книга...

ISBN 978-5-44-900956-2

© Ааб В. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Депрессия	6
Глава 1. Непростые отношения	6
Глава 2. Конфликт «на пустом месте»	9
Глава 3. Чудо техники – S-12	14
Глава 4. Игры в оптимизацию	16
Глава 5. Борьба на грани фола	20
Глава 6. Помощник прокурора Брызгач	24
Глава 7. Заместитель Акима Гремячий	29
Глава 8. Язык как неотразимое оружие	32
Глава 9. Болезнь	38
Глава 10. Целители	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Время не знает пути своего Депрессия

Виктор Васильевич Ааб

Сидит на крыше немец, устраняет течь, напевает на ломаном русском песенку. Потерял осторожность, совершил неверное движение, не удержался, заскользил по крутому склону. Цепляется изо всех сил за поверхность, бормочет: – тпру-у, тпру-у... – тцетно.

Сорвался с крыши, летит вниз: – «ну, теперь пошла пес сатерика...»

Из устного фольклора поволжских немцев.

© Виктор Васильевич Ааб, 2017

ISBN 978-5-4490-0956-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Депрессия

Глава 1. Непростые отношения

Царила неопределенность. И всё наверху менялось. Дело было даже не в развале страны. Ну, распустили Советский Союз – так на смену ведь Союз Независимых Государств образовался. Происходившие в стране события резко на личную жизнь Штольца, впрочем, как и всех горожан, не влияли. Синегорск жил своей привычной, размеренной, неторопливой жизнью.

Рыночные реформы начались. Цены на всё взвинтились многократно, росли без удержу, и не было видно той верхней планки, достигнув которой, они остановятся. Деньги обесценивались на глазах. И распространилось это безобразие по всему СНГ.

Но ведь Штолец работал на предприятии связи. А у этой отрасли народного хозяйства есть одно ценное преимущество. Даже если всё вокруг из рук вон плохо – связь всё равно востребована людьми. До конца! Даже – самого худшего! И умирает – последней. А когда дела идут на подъем, и даже если подъем этот только в самом начале – связь уже востребована и развивается в приоритетном порядке. Да, экономическая жизнь в стране резко ухудшалась, но по сравнению со всеми – у связистов всё было более-менее благополучно.

Городская телефонная сеть – предприятие, которым руководил Штолец, в действиях своих было достаточно самостоятельным. И Штолец, как директор, пользовался этим на полную катушку. Да, развитие сети резко замедлилось, а если точнее – сейчас, остановилось полностью. Да, телефоны в городе больше не устанавливались. Но это – временно. Перспективы четко прорисовывались. Целая АТС МТ-20 – самая современная, цифровая, лежит на складе, ждет своего часа.

А пока – самая важная задача – обеспечить бесперебойную и качественную работу на сети уже имеющихся у пользователей телефонов! И средств, которые на этом заработает предприятие, вполне достаточно, чтобы продержаться и без особых потерь пережить трудный процесс преобразования Советского Союза в Союз Независимых Государств.

Штолец со своими помощниками делал всё, чтобы поддержать материально свой коллектив. В целом, всё вроде бы было хорошо. Ему только что исполнилось сорок лет. Расцвет для любого мужчины! Связь в городе была налажена и, несмотря на возрастающие трудности общего характера, работала нормально.

И еще очень важное дело, значение которого трудно переоценить, завершалось успешно. Итоги программы «Жильё-91» подведены. Довольны очень люди на его предприятии, да и в Областном предприятии – тоже. Все работники Городской телефонной сети, которые встали в очередь на получение жилья, по состоянию на первое мая 1987 года получили квартиры. Да и сам Штолец заканчивает строительство прекрасного особняка-коттеджа, средства на который по беспроцентной ссуде выделило ему предприятие. И это оттого, что город в последние годы резко нарастил темпы строительства жилья.

Должно быть – и во всей стране так... Опыт бесценный в строительстве жилья наработан. Индустрия соответствующая создана. Пора разрабатывать государству, неважно как оно называется, следующий этап всенародной программы – «Жильё-96». И решится, наконец, полностью жилищная проблема в стране! Разве кто – против?

Временно застопорилось развитие, – но успели связисты позаботиться о будущем. Первая в Казахстане цифровая Телефонная станция МТ-20 ёмкостью в двадцать тысяч номеров доставлена в областной центр. С пуском её через два-три года телефонная сеть в Синегорске увеличится вдвое. Огромная работа по строительству новых разветвленных телефонных линий предстоит. Живи и радуйся!

И СНГ этот... Да, бывшие союзные республики объявили суверенитет и получили независимость. Вот и в Казахстане первое лицо теперь – самостоятельного государства – стал Президентом. Ну и что с этого? Разве простой советский человек страдает от таких новшеств? Ну – да! Жизненные трудности, как временные издержки в период перехода от социалистической экономики к рыночной увеличились как-то разом и многократно, в первую очередь, из-за разброда в умах и неопределенности, но так ведь они же – временные! Перемелется всё – мука будет. Да и жизненное пространство для граждан теперь уже бывшего Советского Союза остается единым. И оборонное пространство, хоть и разбежались они по суверенным государствам, для СНГ – тоже, единое. И взаимная заинтересованность в тесном экономическом сотрудничестве сохраняет актуальность. Вряд ли кто, в ущерб себе, будет рвать тесные экономические связи.

Всё наладится. Надо простому человеку просто спокойно работать, добросовестно исполнять свой личный гражданский долг и всё придет в норму. Надо только потерпеть. Да, много непонятного, душу тревожащего происходит вокруг. Но всё утрясется. Всё будет хорошо...

Штольц так думал, все вокруг так думали, и всё шло своим чередом. Но он был руководителем предприятия. Предприятия, в значительной степени, самостоятельного. За исключением «самой малости». От взаимодействия с вышестоящей организацией, от взаимодействия с властями, его никто не освобождал. А по этой части у Штольца складывалось не всё гладко. Оттуда, сверху ведь спускались приказы. И бывало, что шли они вразрез с интересами предприятия, которым руководил Штольц. Совершенно не принимали их в расчет высокие руководители и не учитывали.

С некоторых пор проблемы у Штольца стали плодиться по нарастающей. Городская телефонная сеть – такое предприятие, которое всегда на виду у городских, да и у областных властей. Штольц вот уже седьмой год руководил этим предприятием, был вхож в любые властные кабинеты, за исключением разве что кабинета первого руководителя области. И не в последнюю очередь, благодаря его организаторским способностям и личным усилиям связь в городе была налажена и работала устойчиво. Штольца уважали в городе, ценили как высококвалифицированного специалиста-руководителя и прочили ему прекрасные карьерные перспективы. Конечно же, в первую очередь, с высокой вероятностью мог возглавить Штольц Областное предприятие связи.

Сам Штольц об этом не задумывался. Он знал, что реально, сейчас, востребован в качестве руководителя городского предприятия, забот на котором – «полон рот». Ему было достаточно этого предприятия и он, по природе чуждый карьерным интригам, не торопился. Понадобятся его знания и опыт на более высоком уровне, потребует высокое руководство, посчитает нужным доверить ему более широкий диапазон ответственности – если так надо значит, так и будет. Ну, а если – нет, значит, тоже, так тому и быть. Штольцу достаточно. Он считает ниже своего достоинства – гоняться за должностями. Он не карьерист.

Но ведь Фенина Андрея Алексеевича, Генерального директора Областного предприятия связи окружали профильные заместители. Они не были на виду, их тенью своей прикрывал Андрей Алексеевич. И, наверное, все-таки, кто-то из его замов, в отличие от Штольца, мечтал возглавить Областное предприятие. Шансы были. Замы не светились в городе и области, но зато вплотную работали с Министерством связи. Казалось, не время этим заниматься. Фенин крепко держался в седле, и глупо было преждевременно «делить шкуру неубитого медведя». Но ведь всё может быть в этой жизни, приобретающей всё более непредсказуемый и неустойчивый характер, всё может в одночасье измениться. Замы понимали это. Они в большей степени, чем Штольц были осведомлены о глубинных процессах, происходивших в отрасли.

При назначении на первую должность профильного предприятия областного масштаба обязательно учитывается мнение местных властей, а они, кроме Фенина и Штольца из местных

связистов, в общем-то, никого и не знали. И оттого в глазах замов Фенина Штольц для них был конкурент. Явный конкурент, который – ничего не боится, уверен в себе, неосторожен и весь на виду. Штольц держался независимо, вел себя по отношению к заместителям Фенина как равный, не очень прислушивался к их «руководящим» указаниям и не позволял вмешиваться им в городские дела без его ведома. Особенно – по части установки телефонов. Это не нравилось. Штольцу строили козни. Против него плелись интриги.

Однажды, в кабинет к нему, вся кипящая от возмущения, влетела главный бухгалтер Пильникова Надежда Васильевна и сообщила, что в пух и прах разругалась с главным экономистом ОПС Кислицыной Тамарой Борисовной.

– Виктор Васильевич! Она вас просто ненавидит! Так и сказала: «никогда Штольц ваш не станет начальником управления связи. Никогда»!!!

Чувствовалось, Пильникову очень задело это заявление, и она ответила соответствующей отповедью. Была зацепка. Поговаривали, что ходит экономист Кислицына в любовницах у Главного инженера ОПС Конакова. За него и переживает.

Штольц лишь посмеялся добродушно.

– Ну и пусть Тамара Борисовна бесится. Во-первых, буду я начальником или нет, – не от неё это зависит. Ну а во-вторых, не больно мне это и надо.

И говорил он чистую правду. Фенин, как вышестоящий руководитель его вполне устраивал. И до пенсии Фенину еще было ох как далеко... Штольц пожурил Пильникову за то, что в ущерб интересам дела довела она ситуацию до скандала. От помощников Фенина ведь многое зависит. С ними ладить надо. Пильникова оправдывалась

– Это всё она, сама спровоцировала...

Глава 2. Конфликт «на пустом месте»

Жизнь усложнялась. Первый раз Штольц подставил себя под удар совсем глупо. По пустячному делу. Но так уж случилось. Его заместитель по хозяйственным вопросам Журба Владимир Яковлевич, с явно выраженной досадой на лице и недоумением, сообщил, что получил прямое указание от заместителя по капитальному строительству ОПС Бровченко Михаила Валерьевича немедленно направить в соседний Рындинский район, в помощь районному узлу связи бурильно-крановую машину. Помочь надо соседям – пятьдесят столбов в грунт установить. Не копать же им вручную ямки...

– Виктор Васильевич! Ну, вы же знаете... Вот уже половина лета прошла, а мы даже у себя еще ни одного столба механизированным способом не установили. Накопилась своя работа. Сломана постоянно была наша бурилка. С таким трудом, наконец, мы восстановили её! И нет никакой уверенности, что это надолго. Но всё равно, с десятков опор в неделю установить – с этим она справится. Но чтобы её, на ладан дышащую, в соседний район за добрую сотню километров гнать собственным ходом, да ещё столько ямок разом пробурить?.. Загнётся наша бурилка. Загнётся! Да так, что, точно, восстанавливать её снова будет – себе дороже!

Журба приложивший много сил для восстановления бурилки, давно отслужившей свой срок, выглядел очень расстроенным. Он рассказал, что переговорил помимо Бровченко – заместителем Фенина по хозяйственным вопросам, отдавшим это распоряжение, ещё и с Конаковым – главным инженером ОПС, но тщетно. Конаков делает вид, что он не причём, а Бровченко уперся как бык и настаивает...

– Виктор Васильевич, что делать будем? Журба, прошедший в свое время школу первого руководителя районного узла связи, опытный человек, понимал, конечно, что распоряжения вышестоящего руководства надо выполнять, но не такие же, которые, ну точно, кроме явного вреда, ничего путного не принесут. Он уже ни на что не надеялся и сообщил об этом Штольцу просто для порядка. Начальник предприятия – он должен знать обо всем, что происходит на вверенном ему объекте.

Штольц знал состояние бурилки, которая давным-давно израсходовала свой ресурс, и, по сути, только числилась на предприятии для самоуспокоения, что она есть. Бурилка больше простаивала, чем работала. Установит линейно-кабельному цеху пять-шесть опор – и в ремонт! Установит через некоторое время опять пару штук – и в ремонт! Вообще-то ГТС в повседневной своей деятельности опоры устанавливала не часто, и в объемах мизерных. И пусть, бурилка ломалась от случая к случаю, но всё-таки, монтерам помогала. О новой же технике для её замены не приходилось даже и мечтать.

Штольц вскипел от известия Журбы. Областное предприятие связи в последние годы вообще не интересовалось, какими способами, какими методами и с помощью чего управляется ГТС со своим хозяйством. Не интересовалась, но и не вмешивалась особо. И вдруг, такое волонтаристское решение!

Журба, он же этому Бровченко всё популярно объяснил! Он умеет убеждать в разговорах, а тут – полный облом! И ведь действительно, эта злосчастная бурилка на базе трактора Беларусь-МТЗ-5Л выпуска времен царя Гороха, даже без кабины, – просто загнется в пути, не доехав до места назначения. Глупо получится! Да и обидно будет за труды напрасные по её восстановлению.

Штольц понимал: Журба накручивает, преувеличивает бедственное состояние своей техники, но всё равно был на его стороне. Городская телефонная сеть в своей деятельности попадала, бывало, в тяжелейшие ситуации, и всё время оставалась один на один со своими проблемами. Ей никто не помогал. Ни один районный узел связи! Хотя – могли бы! А тут, в беспрекословном порядке – езжай и окажи помощь! Нет, так не пойдет!

Он позвонил Фенину, а того, как будто специально! – не оказалось на месте. И тогда он запретил Журбе выпускать бурилку за пределы города.

Журба засомневался

– Виктор Васильевич, ну, они же не отстанут. Будет скандал!

– Ну, будет, так будет! Штольц хорохорился. Он всё еще надеялся переговорить с Фениным, разрулить ситуацию.

Сразу – не получилось. Закрутили дела.

Прошло несколько дней. И вдруг, утром разбирая почту Штольц обнаружил в папке Приказ, в котором ему объявлялся выговор. Приказ был подписан Фениным и выговор объявлялся за неисполнение распоряжения вышестоящего руководства. Этот же Приказ предписывал отослать бурильно-крановую машину в Рындинский район для выполнения особо важных работ немедленно.

Штольц едва не задохнулся от обиды и возмущения. Он завелся. Ознакомил с Приказом Журбу. Владимир Яковлевич понуро склонил голову на бок, скривился и сказал

– Виктор Васильевич, ну я же говорил! Давайте не будем раздувать скандал. Я дам команду трактористу. Пускай едет! Накажу ему, чтобы симитировал поломку километрах в пятнадцати от города. И приказ как-бы выполним, и бурилку сохраним! Не хватит тям у управленцев разбираться с этим. И дело с концом...

Штольца такой расклад уже не устраивал. Сразу надо было так поступить. Покорно сделать вид, что распоряжение добросовестно исполняется. А теперь – поздно. Штольц закусил удила. Вот он, Приказ, лежит на столе. И по факту этот Приказ для него как красная тряпка для быка. Ведь слово из песни не выкинешь – Штольц – телец по гороскопу.

Оставшись один, он внимательно перечитал содержимое Приказа. От него так и разлило несправедливостью. И дело даже было не в объявленном наказании. Штольц работал на руководящих должностях уже почти два десятка лет и, конечно же, получал выговоры. Не часто, но получал. И реагировал на них соответственно, переживал очень болезненно.

В Эксплуатационно-техническом узле связи, где ранее работал в должности главного инженера он, помимо всего прочего, отвечал за организацию техники безопасности при производстве работ. Время от времени происходили несчастные случаи в цехах связи, рассредоточенных по всей Синегорской области. Понятно, что Штольц во время случившегося чрезвычайного происшествия лично на месте не присутствовал. Непосредственно руководили работой начальники цехов. Они и допускали эти несчастные случаи во время практического их проведения. Монтер, к примеру, падал вместе с подгнившей опорой во время демонтажа воздушной линии. Получал увечья...

Проводилось расследование. И конечно, хотя обучение технике безопасности работников проводилось регулярно и своевременно, и росписи их в соответствующих журналах проставлены были полностью, главному инженеру напоминали об его общей ответственности. Выговорами в приказах!

Штольц в глубине души, особенно в первое время, по молодости, ощущал какую-то несправедливость по отношению к себе, понимал, что непосредственной вины его в случившемся нет. Предприятие разбросано по огромной территории, за всем, разом, не уследишь. Работ с повышенной опасностью много и лично каждую не возглавишь. Но так было принято. Так надо! И Штольц мирился с этим.

А первый свой выговор он получил за то, что впервые в жизни не выполнил распоряжение начальника Областного производственно-технического управления связи о передаче погрузчика соседнему предприятию – Почтамту. Исполнение того Приказа означало, что его непосредственные подчиненные, лишившись погрузчика, вынуждены будут грузить и разгружать многочисленные тяжелые ящики с оборудованием сельской связи вручную. Часто это приходи-

лось делать его инженерам и техникам. Тогда выговор получил Штольц, но погрузчик отстоял. И вот опять – ситуация, ну почти один к одному...

Нет, нельзя с этим мириться. Нельзя! Штольц сам довольно часто объявлял дисциплинарные взыскания своим подчиненным. За правомерностью его Приказов бдительно следила профсоюзная организация. Каждая точка, каждая закорючка, каждая запятая не к месту поставленная могла явиться основанием для того, чтобы Приказ был отменен как неправомочный. Ну, а уж если он букве и духу Закона не соответствовал... Бывали случаи. Отменял профсоюз его Приказы. Тяжело переживал это Штольц, но – принимал поражения такие с достоинством. Считал, что если уважит мнение профсоюза – не слабость, силу свою покажет.

Но ведь его самого профсоюз не станет защищать. Какой-никакой – он все-таки, руководитель. Не хватало еще на виду у своих подчиненных двум руководителям сцепиться в схватке. Профсоюз в свои отношения вмешивать...

А с другой стороны, в его случае, ведь очень уж топорно наказание объявлено. С грубейшим нарушением юридических процедур. Даже письменного объяснения по сути поступка не потребовал от него Фенин. Нет, нельзя это стерпеть просто так! Тем более, что на исполнении своего распоряжения управление, по-прежнему, настаивает. Штольц, он ведь не мальчик для битья. Он еще пободается... Только делать это надо без широкой огласки. И Штольц твердо решил Приказ опротестовать.

А кто в его случае может отменить Приказ вышестоящего руководства? Только еще более высокое начальство – Министерство связи. Шел 1992 год, страна развалилась, а перестроечные идеалы, вера в высшую справедливость, по инерции, всё еще не угасли в Штольце. И он решил этой справедливости добиться.

На имя Министра связи Казахской ССР Ульянова И. В. было составлено письмо, в котором Штольц подробно изложил мотивы своего неповиновения, а также указал на грубейшие нарушения юридической процедуры, допущенные в процессе объявления выговора. И все-таки, прежде чем отослать письмо, Штольц напрямую попытался выяснить отношения с Фениным.

Разговора не получилось. Он хотел поговорить с Андреем Алексеевичем наедине, указать ему на, мягко говоря, не очень корректное поведение его заместителей, но помешал Конаков – главный инженер.

Штольц давно заметил, что наедине в Фенинском кабинете поговорить с Андреем Алексеевичем ему чаще всего не удавалось. Обязательно открывалась дверь, и входил Конаков. Ходил размеренно, по большому кабинету из угла в угол, с загадочным выражением на лице прислушивался к разговору совершенно его, не касающемуся, и обязательно вмешивался. Штольц не имел привычки особые секреты разводить против кого-либо, мог правду-матку выдать в лицо любому оппоненту, невзирая на ранги. Но делу ведь подобное поведение часто вредит. Приходилось сдерживаться. Просто, при постороннем комкался задуманный разговор. Сам Штольц, если в нужном ему кабинете присутствовал посторонний, не имеющий отношения к его делу посетитель, никогда в этот кабинет не входил. А Конаков? Ведь довольно образованный человек – и такая бестактность!

И на этот раз Конаков появился в кабинете в самый неподходящий момент. Штольц даже заподозрил, что у Фенина есть какая-то незаметная кнопка под рукой, для вызова своего главного инженера, и он почему-то всегда во время разговора со Штольцем призывает его на помощь.

Он опять завелся, прервал пространственные рассуждения главного инженера и задал Фенину вопрос в лоб

– Андрей Алексеевич! Так все-таки, отзовете вы этот неправильный Приказ? И естественно, получил отрицательный ответ.

– Ну что же! Тогда этот Приказ отменяют за вас – пообещал Штольц и посчитал дальнейшее свое пребывание в кабинете начальника ненужным.

Письмо было отправлено адресату. Время остановилось. Бурилка в очередной раз с мелкой поломкой стояла во дворе. Никто из управления Штольца не беспокоил.

И вот, спустя две недели, как обычно, разбирая утром почту, Штольц обнаружил очередной Приказ, который отменял тот – первый, о его дисциплинарном наказании. Просто – второй Приказ отменял первый Приказ – без объяснения причин! Волна радости захлестнула Штольца. Есть всё-таки справедливость на свете! Есть!!!

Но как оказалось, рано он радовался. Спрятанный под многочисленными бумагами-документами, самым последним в стопке лежал еще один Приказ. И этим, третьим Приказом опять объявлялся Штольцу выговор. И лишь слабым утешением было то, что на этот раз его уже не обязывали отправлять в Рындинский район бурильно-крановую машину.

Упрямство выиграло в Штольце. Нет, просто так он не сдастся! Нельзя взять вот сейчас и просто так утереться. Слабых бьют! Раз уж ты взялся за дело, даже заведомо проигрышное, надо идти до конца. Гордость, чувство оскорбленного самолюбия не позволяли Штольцу смириться.

Он опять очень внимательно изучил Приказ и опять обнаружил в нём юридические несущности. И тогда Штольц во второй раз письменно обратился к Министру и на этот раз, не особо выбирая выражений, изложил на бумаге всё, что думает о постперестроечных методах управления Областного предприятия связи структурными низовыми подразделениями.

Фенин в письме не фигурировал. По большей части при решении проблем Штольц прекрасно находил общий язык со своим прямым начальником. Но лишь в тех случаях, когда предварительно, в суть проблемы не вмешались его заместители. Как правило, они умели обрабатывать Фенина в своих интересах. Не хотели признавать они Штольца равным себе по статусу.

Да и Штольц их совсем не праздновал. В деле, вызвавшем неповиновение Штольца, обраставшем выговорами, чувствовалось явное влияние Конакова. Штольц так и написал, что из всего этого дерьма, омрачившего деловые взаимоотношения Фенина с руководителем второго по значимости предприятия связи области, торчат уши главного инженера. Так и написал: «торчат уши...»

И пока писал всё это Штольц, остывал он потихонечку и приходил в себя. Там, в глубине его мозга, в подсознании возникали неудобные, но разумные вопросы.

– Ну, хорошо – отошлет он опять протест свой в Министерство, и скорее всего, Фенин опять отменит свой Приказ. Но где гарантия, что не объявит он под надуманным предлогом ещё раз очередное наказание? И что дальше за этим последует? И вообще, стоит ли так реагировать на дисциплинарное взыскание? Что такое – выговор для руководителя, действительно о ДЕЛЕ заботящегося? Так, – досадная неприятность душу карябающая. А ДЕЛЮ все равно, делать надо. Частично отступил же Фенин! Не стал второй раз настаивать на исполнении заведомо неверного распоряжения его замов по бурилке, приведшего к скандалу. Получается – отстоял Штольц свою «драгоценную» бурилку. А выговор этот – так, для острастки, чтобы уважал Штольц своё начальство. Да и Министерство связи ради удовлетворения собственного самолюбия всё время впутывать – не жирно ли будет? Некрасиво как-то. Мэру надо знать. Благородный порыв Штольца ради торжества справедливости постепенно в его же собственном восприятии превращался в фарс...

Он всё-таки вложил бумаги с соображениями своими в конверт, заклеил его и адресовал Министерству. Встал и пошел с этим конвертом, полностью готовым к отправке, к Фенину.

Андрей Алексеевич встретил его, в общем доброжелательно. Не пригласил на сей раз Конакова. Сквозило напряженное ожидание в его взгляде, но в целом настроен он был побоевому, и совсем непохоже было, что отступит от принятого ранее решения. Не каждому

дано – добровольно отменять свои Приказы. Всем видом своим Фенин демонстрировал» – «ну-ну, бодайся теленок с дубом...»

А Штольц бодаться не стал. Положил запечатанный конверт Фенину на стол, выразил уверенность, что в случае если были бы его очередные соображения отправлены в Министерство, то опять пришлось бы Фенину отменять свой Приказ. Вот только не будет отсылать он письмо на этот раз! И вообще, потребовал бы Андрей Алексеевич побольше профессионализма от своих непосредственных помощников! А то ведь ставят они его в неудобное положение. Повторил, что письмо отправлять не будет и продолжать драчку – тоже.

Фенин такого разворота событий явно не ожидал, но ничего сразу не ответил. В последующем, выговора не отменил, но и очередного взыскания не назначил. Штольц переживал тяжело свое смирение, гнал из головы дурные мысли, но постепенно всё утряслось.

Глава 3. Чудо техники – S-12

Вроде бы ничего особого не происходило вокруг, но все равно, тревожно было очень. Союз Независимых Государств – объединение это рыхлым, ненадежным каким-то, оказалось, по факту. Бывшие Советские Социалистические Республики сначала провозгласили суверенитет, а потом разом, вдруг, заговорили о независимости и стали эту независимость утверждать реальными делами, все сильнее и сильнее размежевываясь с Россией по основополагающим вопросам совместного проживания в СССР. Укрепляли границы, вводили собственные денежные системы, напрямую заключали новые союзы с государствами, возникшими на территории бывшего Советского Союза за периметром границ России. Казахстан тоже всё настойчивее и настойчивее говорил о продвижении собственной независимости, но пока, единственный из бывших союзных республик, полностью координировал свои действия с Россией и демонстрировал всячески намерения к тесному совместному проживанию.

Что касается связистов, то жили они, полнокровной жизнью повседневно решая привычные вопросы обеспечения надежной устойчивой связью население новой, ставшей на путь независимости, Республики и не особенно задумывались, что происходит вокруг. В неизбежное «завтра» старались не заглядывать. Привыкали жить одним днем.

Жилищное строительство в городе как-то резко начало сворачиваться. Но благодаря программе «Жильё-91» в Синегорске появились полностью отстроенные два новых микрорайона, и они остро нуждались в телефонизации. Областному предприятию связи удалось приобрести городскую координатную АТС на 2000 номеров, и благодаря добросовестно выполненным условиям телефонизации при строительстве новых домов, и своевременно построенному зданию под новую АТС, вопреки процессам общего сокращения хозяйственной деятельности, связистам удалось свою телефонную сеть развивать.

А на складе лежала и дожидалась своего часа новая цифровая АТС МТ-20, ввод которой в эксплуатацию и вовсе позволил бы увеличить телефонную сеть областного центра в два раза.

Необходимость ускоренного развития связи возникла в целом по Республике. Появились новые возможности. В недрах Министерства родился проект дальнейшего одновременного развития телефонной сети на базе цифровых АТС сразу в десяти областях. Предполагалось взять целевой кредит у немецкого Дойче банка под гарантии областных администраций, приобрести на эти деньги современную цифровую АТС S-12, тоже – немецкую. И внедрить её на обширных просторах Казахстана помогут германские специалисты.

Синегорские связисты оказались в ловушке. Впрочем, сами себя они в эту ловушку и загнали. Так сложились обстоятельства. Ну, разве ещё пару лет назад мог кто-то подумать, что в отрасли «связь» созреют возможности для революционных преобразований на большей части её сети с помощью современной иностранной цифровой техники? Казалось, постепенно всё это будет двигаться на основе отечественных советских разработок. И начаться внедрение этой цифровой техники должно было как раз с Синегорска. Произведенная в Уфе новейшая цифровая АТС МТ-20 была приобретена, лежала на складе и готова была стать началом цифровизации.

Андрей Алексеевич, когда сообщил Штольцу о соглашении с немцами на поставку в Казахстан АТС типа S-12, чувствовалось, очень огорчен был. Оно и понятно. Приобретенная для Синегорска, МТ-20 по качеству серьезно уступала немецкой S-12. Разработана она была совсем недавно и, по сути, только еще проходила опытную эксплуатацию в реальных условиях сети. Выявлялись недоработки, подводила своя, родная элементная база – чипы, микросхемы...

А тут – прекрасно зарекомендовавшая себя на сети капиталистических стран – S-12!!! И сразу – в десяти областях! Это же – общий сервис! Общие для Казахстана эксплуатационные проблемы в случае чего... А вместе и решать их легче!

Не предполагали такого поворота событий синегорские связисты. Им срочно в то самое время, когда разваливалась страна, нужны были новые станционные мощности для последовательного развития, чуть раньше, чем в других регионах Казахстана, полностью исчерпавшей свои возможности телефонной сети. Так сложилось. Они и добивались этих мощностей для себя всеми доступными средствами. Из того набора АТС, которые были в стране на настоящий момент. И лишь один человек – Державец Виктор Яковлевич, начальник Главного управления городскими и сельскими телефонными сетями Казахстана глядел немного вперед и предупреждал

– Виктор Васильевич, – не спешите! Есть в Мире гораздо лучшие цифровые станции, чем МТ-20. Она ведь по сути – советско-французский суррогат, собранный на отечественной элементной базе. Намучаешься с ней! Сам себе верёвку на шею намывливаешь! Не спешите – может быть что-то другое, более качественное удастся раздобыть Казахстану для развития сети.

И вот, раздобыло министерство S-12! И Синегорск теперь со своей, одиозной МТ-20 из общей колеи выпадает, и долгие годы будет пурхаться с нею один на один.

Нет, надо как-то втиснуться в общую компанию с соседними областями! А станция МТ-20? Она же новенькая совсем на складе уже лежит... И денег больших стоит! А может быть, сплавить её как-то в Россию? На российской сети, в крупных городах МТ-20 приживаются постепенно. Наверное, найдется кто-нибудь из россиян, чтобы в короткие сроки и без проволочек приобрести её для себя.

А Казахстану, зачем из общего ряда линейки перспективных АТС, выделяющаяся особая, да к тому же не самая лучшая техника? Зачем лишняя головная боль? Пусть, даже у одной области. Да и к тому же, МТ-20 – чисто городская станция. Её еще с координатной АМТС-3 – междугородной станцией, состыковывать надо. Да и нет ещё этой АМТС-3 в Синегорске. Приобретать надо.

А S-12 – это универсальная станция. В едином комплексе совмещает в себе функции городской станции и междугородной. Представляете Андрей Алексеевич, сколько проблем одним махом слетит с наших плеч, если умудрится мы попасть в общую программу развития сети на базе единой для Казахстана станции! Надо всё сделать для этого, надо что-то предпринять! – Так обсуждал Штольц с Фениным возникшую ситуацию.

Штольц еще совсем недавно, больше всех в области радеющий за МТ-20 теперь давал задний ход. Даже если есть минимальные шансы, надо использовать их. Настроить областную власть соответствующим образом! Избавиться от той «веревки на шее» о которой предусмотрительно предостерегал Державец...

Фенин постарался. Его услышали. МТ-20 – она ведь на средства Министерства связи СССР была приобретена, которого – нет. Получается, если глубоко не вникать в детали, – даром для Казахстана! Да и пути общие у Казахстана с Россией вот-вот разойдутся. Зачем Казахстану российская АТС? И в области телекоммуникаций – так теперь по-современному отрасль называется, тоже должна быть полная независимость.

Удалось Фенину убедить министерство, удалось дать задний ход, удалось вклиниться в общий казахстанский проект.

Ждали новую немецкую станцию синегорские связисты, лихорадочно готовили телефонную сеть. А МТ-20 удалось удачно сплавить российским связистам путем бартерного обмена на запасные части для существующего оборудования, и на, остро востребованную на сети, мелкую телекоммуникационную аппаратуру. Ай да Фенин! Ай да молодец! Все так удачно складывалось...

И тут, грянул гром среди ясного неба!

Глава 4. Игры в оптимизацию

День, действительно, начинался прекрасно. Яркое солнце на чистом утреннем горизонте обещало теплую насыщенную весенним светом погоду. Звонок вертушки в кабинете Штольца звучал совсем обыденно. Особых поводов для беспокойства не было. Сеть работала нормально. Крупных повреждений не было. И никаких чрезвычайных происшествий не обещало в обозримой перспективе время. Обычная рутинная жизнь.

Голос Фенина в трубке четко формулировал распоряжение

– Виктор Васильевич, прошу вас в десять часов со всеми своими заместителями прибыть ко мне...

Штолец попытался узнать о причине такого неожиданного сбора. Вопросы могут быть. Надо же подготовиться... Ответ Фенина был лаконичным.

– На месте всё узнаете...

Причин никаких не было, а сердце Штольца почувствовало неясную тревогу, забилося беспокойно, дало о себе знать...

Административное здание ГТС соединяется переходной перемычкой с корпусом технического здания, которое, в свою очередь, является составной частью Дома связи, украшавшего центральную площадь. Левую часть здания Дома связи занимает Почтамт, а в центре на четвертом этаже расположилась администрация Областного предприятия связи.

Штолец, главный инженер – Макарычев, Пильникова – главный бухгалтер, и только что принятая на работу экономист Воротынцева, собрались быстро, шли молча по длинным узким коридорам, и в приемной Фенина оказались точно в назначенное время. А он их уже ждал. Сидел во главе длинного совещательного стола, и составляли компанию ему два заместителя: Конаков – главный инженер и Грачев Иван Анатольевич – заместитель по экономическим вопросам.

Штолец со своей командой скромно хотел пристроиться на противоположной стороне длинного стола – подальше от начальства, но Фенин широким жестом пригласил пересечь поближе. И голос Фенина звучал слишком уж доброжелательно. Мол, что нам делить – общее дело обсуждать будем. Без обиняков, тут же к делу он и приступил.

– Мы собрали вас, руководство ГТС, чтобы объявить: принято решение. Городская телефонная сеть как самостоятельное предприятие ликвидируется. В полном составе с сохранившимися функциями поглощается она Областным предприятием связи и будет в дальнейшем исполнять свою работу под единым, общим областным руководством на правах городских цехов.

Штолец отказывался верить тому, что слышал сейчас. Несколько мгновений панические мысли разрывали мозг. Он испытал настоящий шок. Мало того, что общая неопределенность после развала страны сопровождает жизнь, так вот, ещё одной конкретной, неприглядной частью своей, новостью, не сулящей ничего хорошего, и здесь наваливается она непреодолимой силой, давит, душит, парализует сознание. И не совладать с сердцем, в бешеный разнос сорвавшимся. И перехватило дыхание...

Штолец изо всех сил пытается справиться с собой. Скользит его взгляд по лицам заместителей своих. В их глазах – растерянность, недоумение... Лицо Макарычева перекосила насмешливая гримаса. Наклонил голову, тупо взглядом в стол уставился. Пильникова и Воротынцева выпучили глаза, ловят раскрытыми ртами воздух, как две рыбины, которых только что удачливый рыбак из воды выдернул.

А Фенин произнес заготовленные фразы и молчит выжидающе...

Немая сцена! И назойливо, громко, на весь кабинет жужжит муха непонятно откуда появившаяся...

Всё-таки, инстинктивно, в нестандартных ситуациях, первым делом человек оценивает последствия для себя. Раньше всех от шокирующего известия опомнилась Пильникова.

– Андрей Алексеевич, так что? Вы нас четверых сюда пригласили, чтобы объявить о том, что мы вам больше не нужны? Вы за какие такие грехи работы нас лишаете? Вот так, разом, без объяснения причин? Одним махом...

Голос Пильниковой дрожал, кипел от возбуждения. Лицо и шея её побледнели и одновременно, местами, покрылись красными пятнами.

– Мы-то теперь чем заниматься будем? – продолжала она. Да и коллектив не поймет вашего новшества. Он ведь уже работал с цехами межгорода и телеграфа на одном предприятии. Имеет опыт... Вы же сами тогда Телеграфно-телефонную станцию раздербанили! И тоже, одним росчерком пера – ни с кем не посоветовавшись!

Фенин ожидал такой реакции на свое решение и был готов к ней. Он усмехнулся умиротворяюще и тоном, из которого сквозило, что ничего особенного, в общем-то, не происходит, – подумаешь, предприятие лишают самостоятельности, объединяют с другим предприятием... какая разница людям, откуда деньги получать? – произнес

– Ну, зачем же так, Надежда Васильевна? Уж вы-то без работы не останетесь! И вам и экономисту всегда место найдется. Перейдете работать в наши отделы...

– Что, главным бухгалтером? – опять вскинулась Пильникова.

Добродушие Фенина испарилось, теперь в голосе его прозвучали нотки злорадства

– Ну, зачем же – главным? Я вам год назад предлагал эту должность, предлагал совместно работать. Вы сами отказались переходить в ОПС. Теперь поработаете рядовым бухгалтером.

И было Пильникову ему совсем не жаль.

Подавал голос Макарычев. И показалось Штольцу, что вдруг, одновременно, его команда рассыпалась, разделилась, и каждый в ней стал сам за себя. Показалось Штольцу, что Макарычев от новости Фенина даже облегчение почувствовал. Он уже принял для себя решение, и голос его звучал твердо и осознанно.

– Ну что же, это даже лучше для меня! Перейду со спокойной совестью работать в вычислительный центр.

Порыв Макарычева Штольцу был понятен. Макарычев не любил ГТС. За должностями не гонялся. Но понимал, что нужен предприятию именно в должности главного инженера, мирился с этим, работал добросовестно и прекрасно справлялся со своими обязанностями. Работал заинтересованно, внес неоценимый вклад в развитие телефонной сети города. И все равно – работал из чувства долга. В последнее время увлекся компьютерами, писал прикладные программы для производственных процессов, иногда даже – в ущерб основным должностным обязанностям.

Штольц терпел. В душе Макарычев был инженером, просто – инженером. Впрочем, как и сам Штольц. И вот, появилась, наконец, у Александра Николаевича возможность избавиться от руководящих обязанностей и спокойно, не создавая никому трудностей, не испытывая угрызений совести, спокойно переместиться на такую работу, которая ему нравится. Заняться тем, что душе угодно. Не нужен он теперь ГТС. Так руководство высокое за него решило. Ну, а ГТС?.. Закончилась ответственность Макарычева за ГТС. Наступает теперь за неё ответственность высокого руководства. Прямая ответственность... Фенин сам взваливает эту ответственность себе на плечи!

Макарычев мог выбирать, а Штольц – нет! Не было у него запасных аэродромов. Он весь охвачен был протестным порывом. Возмущение, охватившее душу, пыталось вырваться наружу, извергнуться вулканом всё вокруг сокрушающим. Штольц сдерживался из последних сил, упорядочивал в голове массу возражений, и наконец, сумев все-таки сохранить внешнее спокойствие, начал говорить.

Был в его возражениях резон и Фенин прекрасно понимал это. Он внимательно, терпеливо слушал, а потом как бы сделав шаг навстречу его опасениям, примирительным тоном, и даже в укор Штольцу проговорил

– Ну, конечно, Виктор Васильевич – есть в словах ваших, в ваших замечаниях, доля справедливых опасений. Действительно, за последние несколько лет городская телефонная сеть практически удвоилась в объемах. Качество работы сети поднялось на высокий уровень. Действительно, надо усиливать, укреплять некоторые её функции. Надо укреплять достигнутое. Так подавайте ваши предложения! Будем рассматривать... И расстраиваться вам нет причин. Сеть никуда не денется. Как работали, так и будете работать!

Но сам-то он, также как и Штольц, прекрасно понимал – как прежде – не будет!

– Ну, и какую же роль на этой сети вы для меня заготовили? – не выдержал, спросил все-таки Штольц.

И тут вмешался в разговор Грачев – заместитель Фенина по экономическим вопросам. Как с плеча рубанул, уверенно, не раздумывая

– Вы останетесь работать начальником цеха!

И это, – прозвучало как приговор.

Штольц недолюбливал Грачева. Он знал его ещё с Эксплуатационно-технического узла связи, где начинал работать, прибыв в Синегорск после института по распределению. Грачев был на пять лет старше его, демонстрировал осведомленность во всем и очень был категоричен в суждениях. Работал в должности освобожденного председателя профсоюзной организации. Связистом профессиональным не был и продвигался по карьерной лестнице у связистов, больше, по профсоюзной линии. Старался быть на вторых ролях, на рожон не лез, избегал личной, персональной ответственности, прекрасно чувствовал себя в роли советника по любым вопросам. И вот, благополучно избегая любых столкновений и промежуточных начальнических должностей, оказывающих конкретное воздействие на реальную телефонную жизнь, не набив себе шишек практической работы, выбился наверх Грачев, всплыл неожиданно в ОПС, на недавно введенной новой должности – Коммерческого директора.

Штольц узнав об этом, сначала даже обрадовался. Все-таки вместе когда-то работали... Помощь какая-то будет! Ошибся жестоко...

И вот, этот самый Грачев зачитал ему приговор?

Шок, растерянность, осторожная надежда, что может быть, всё образуется, и вот, теперь – обида и ярость, через край перехлестывающая – всё это жестоко продолжало терзать Штольца изнутри. Действо продолжалось...

Основания для личной обиды были. И еще, чувство какой-то фатальной безысходности охватило Штольца, пыталось окончательно парализовать его волю.

Он уже проходил это однажды несколько лет назад. Исполнял обязанности начальника Эксплуатационно-технического узла связи, ждал утверждения в должности. И вдруг, как гром среди ясного неба, свалился тогда совершенно неожиданно претендент на должность начальника ЭТУС – Грачев – пламенный профсоюзный деятель, и ему крайне нужен был Штольц на этом предприятии, но только в качестве главного инженера, этаким рабочей лошадки...

Не вышло тогда по-грачевски. Фенин перебросил Штольца из ЭТУС в город, на хронически неблагополучное предприятие. Штольц (только бы не подчиняться Грачеву!) не раздумывая, как в омут бросился – возглавил Телеграфно-телефонную станцию и в короткие сроки ценой невероятных усилий вывел её из прорыва. ГТС, которую он возглавляет, – это прямая наследница Телеграфно-телефонной станции, и сейчас, успешное предприятие во всех отношениях. И, наверное, от того что успешное, ликвидировать его надо?..

Не согласился тогда Грачев возглавить ЭТУС без толкового главного инженера под боком. Совсем другой человек стал начальником ЭТУС. Тогда, в угоду Грачеву, Штольца пытались понизить до главного инженера, а по сути – оставить в прежней, привычной должности.

А сейчас – из опытного, во всех отношениях состоявшегося директора, в силу сомнительных обстоятельств, и вовсе, – предлагают опуститься ему до начальника цеха, по сути, поставив крест на его возможной дальнейшей карьере?!.. И опять, замешан в деле Грачев, и, похоже, не последнюю роль исполнял он в подготовке такого расклада.

Наверное, всё было не так на самом деле. Но в голове у Штольца царствовал полный сумбур, спонтанно складывалась собственная трактовка событий. Слишком оскорбительным показалось ему незаслуженное понижение в должности. Он, пропустив «ценное предложение» Грачева мимо ушей, все-таки сохранил внешнее спокойствие, еще раз призвал Фенина к благоразумию, попросил тщательно взвесить все за и против, прежде чем принять окончательное решение, и пообещал в короткие сроки представить конкретные предложения не по ликвидации, а совсем наоборот, по укреплению ГТС как самостоятельного предприятия.

Весть о том, что Городскую телефонную сеть ликвидируют, разлетелась по коллективу мгновенно. Штолец, один в своем кабинете, пытался прийти в себя, старался сам себя успокоить, отбросить эмоции. Надо спокойно, трезво, с холодным сердцем оценить внезапно свалившуюся реорганизационную напасть.

Без стука вошел в кабинет Семенов Алексей Николаевич – первый руководитель Штольца, наставник и учитель его. По-доброму, по-отечески относился он к Штольцу и, пожалуй, был единственным в городе человеком из сослуживцев, который искренне за Штольца переживал. По возрасту, Семенов – был пенсионер, но старался «быть на людях» и работал все еще монтером.

На Штольце лица не было, и заметив это, сильно разволновался Алексей Николаевич, искреннее сопереживание отражалось на его лице, он не находил слов и лишь повторял – Как же так? Как же так... Что же это опускают они вас так низко, за какие грехи?..

И Штолец окончательно обессиленный от переживаний, на глазах у Семенова дал волю, наконец, своим чувствам, пытаясь выговориться, позволил излиться из себя эмоциям, в прямом смысле – разрядился отрывистым облегчающим душу рыданием. Слезы текли по щекам, и не было ему стыдно, и Семенов очень хорошо его понимал, и стесняться его не было необходимости. Слезы жгли лицо, изливалась злость, укреплялась решимость, и... – понял Штолец, что просто так не сдаст своих позиций. Он будет бороться!

Глава 5. Борьба на грани фола

Кавалерийского наскока у Фенина не получилось. На следующий день Штольц получил Приказ о ликвидации Городской телефонной сети как юридического субъекта. И первым делом Областное предприятие попыталось закрыть счета Городской телефонной сети в банках.

Номер не прошел! Главный бухгалтер Пильникова категорически воспротивилась этому, требовала весомых обоснований, на основании которых Областное предприятие делало такой шаг.

Внятных обоснований не было. Да и Закон явно нарушался. Не решаются так дела в нормальном государстве, чтобы судьба работников целого предприятия коренным образом менялась в один миг. По Закону после издания ликвидационного Приказа у ГТС были два месяца для размышлений.

Штольц использовал эти два месяца в полной мере. Разговаривал неоднократно с Фениным, призывал его не торопиться. В воздухе ведь всё пропитано неопределенностью. Что будет с СНГ? Что будет с Казахстаном?.. Зачем в такое сложное время усугублять искусственно производственные проблемы?..

Фенин не углублялся в детали. По-прежнему, в качестве основного аргумента он выставлял назревшую необходимость нового подхода к обслуживанию «Системы-12» – цифровой станции, которая с вводом в эксплуатацию возьмет на себя главные функции по управлению всем комплексом телекоммуникаций области.

Но ведь «Система-12» внедрялась почти одновременно в десяти областях Казахстана, а коллеги в этих областях с ликвидацией своих городских предприятий не торопились. А Фенин? Такое чувство было, что стремится он быть впереди планеты всей.

Может быть, Штольц не понимал важных вещей, которые находились за пределами его кругозора. Он не был тупым упрямым по складу характера, и если бы Фенин объяснил доходчиво суть там наверху, в Министерстве связи зарождавшихся замыслов, он бы понял тогда всю тщетность своего сопротивления и, наверное, смирился бы. Но Фенин, в разговорах со Штольцем, как будто бы из-за глухой стены выглядывал, словами не разбрасывался, близко не подпускал, выслушивал штольцевские аргументы против реорганизации, обещал подумать, и... – всё оставалось по-прежнему.

Время шло...

Штольц посчитал необходимым, оповестить о намечавшихся преобразованиях городское руководство. Он не очень рассчитывал на поддержку с этой стороны, но все-таки пытался использовать малейший шанс. В письме подробно изложил сложившуюся ситуацию и свое видение последствий реорганизации предприятия.

Главе городской администрации Тов. Мырзину Ф. Х.

Копия: Генеральному директору ОПС

Тов. Фенину А. А.

От Директора Синегорской ГТС Штольца В. В.

Довожу до Вашего сведения, что Областное предприятие связи проводит структурную реорганизацию в г. Синегорске, а именно, — в середине апреля 1993 года Городская телефонная сеть организационно сливается с Областным предприятием связи, теряет юридическую самостоятельность.

Считаю необходимым довести до Вас свою точку зрения по данному вопросу.

Основная причина слияния – внедрение на сети города АТС типа «Система-12», которая будет выполнять и функции автоматической междугородней телефонной связи.

Эта причина крайне неубедительна.

– Подобные системы внедряются во всём северном регионе Казахстана, — в городах Кустанай, Целиноград и др. — причем в Целинограде и Кустанайе эти станции будут введены уже в конце 1993 года, а у нас только в 1994 году и вопрос ликвидации ГТС, как самостоятельных подразделений ОПС, в этих городах до сих пор не поставлен. В последнее время делалось много реорганизаций и, как правило, от этого получалось мало пользы. В данном случае, есть возможность посмотреть на опыт соседей, и с учётом их опыта и действий, — принимать решение по Синегорску. Это как раз тот случай, когда не надо спешить. Ведь ГТС г. Синегорске, в настоящее время, — сформировавшееся, стабильно работающее предприятие. Однако ОПС почему-то торопится.

– Большая часть вопросов, по которым необходимо принимать оперативные, связанные с решением финансовых проблем, решения, приходится на долю линейного хозяйства телефонной сети, на содержание, обслуживание и ремонт именно сети. И даже имея полную финансовую самостоятельность, мы не всегда успеваем оперативно принимать решения. Предлагаемая структура управления городом через Генерального директора ОПС, либо – что ещё хуже, — через Технического директора ОПС, над которым всегда довлеют интересы области, существенно замедлит, в силу многоступенчатости, принятие необходимых решений по городу, что отрицательно скажется на надёжности связи.

– Вопрос внедрения АТС «Система-12» — это, по сути, – добавление ещё одной АТС в сеть города, работать на этой АТС будут буквально человек 10, и в принципе, не важно, кому они будут подчиняться, — ОПС или ГТС, и крайне неправильно поднимать под этой проблемой, проблему обслуживания линейного хозяйства – собственно, сети. Не «Система-12» будет определять надёжность средств связи в городе, хотя она, конечно же, существенно улучшит качество телефонной связи. Устойчивость связи на 90 процентов будет определяться надёжностью работы линейного хозяйства. И ломать сложившуюся структуру обслуживания именно этого хозяйства в угоду интересам станционных служб, крайне недальновидно. Тем более недальновидно принимать по этим вопросам поспешные решения, идущие вразрез с мнением специалистов, как раз-таки обслуживающих непосредственно и линейное и станционное хозяйство связи.

– Коллектив ГТС против данного слияния, ибо последнее отрицательно отразится и на решении социальных вопросов людей, работающих на ГТС.

– Ссылки на то, что «Система-12» будет обслуживать междугородную связь (соотношение обслуживания городской и междугородной связи на данной системе примерно 16 к 1 в пользу городской связи), и что обслуживать эту систему сподручней именно Областному предприятию, тоже не убедительны, так-как ГТС в настоящее время обслуживает весь межгоринтур, а в свое время, имело в своем составе всю междугородную связь и телеграф, и изъятие из состава ГТС этих видов связи в силу, модных в 1988 году, структурных преобразований, не улучшило качества и стабильности в их работе. Ничего страшного не произойдет, если часть функций по междугородной связи будет обратно передана ГТС.

У Областного управления связи, наоборот, развяжутся руки для решения стратегических вопросов улучшения связи в области.

Как специалист, к задуманной реорганизации обслуживания телефонной сети отношусь крайне отрицательно, о чем считаю необходимым Вам сообщить.

Мне известно, что подобная реорганизация была проведена в Талды-Курганской области. Однако – это южная область. Специфика обслуживания линейных сооружений юга и севера различна из-за природных условий. И копировать систему южан нам не следует.

Директор ГТС В. Штольц.

Неделя прошла в томительном ожидании. Ответа никакого не последовало. Городским властям явно до проблем связистов дела не было.

И тогда Штольц решился на отчаянный шаг. Он решил право на самостоятельное существование ГТС отстаивать в суде.

Закон о Госпредприятии никто не отменял. Совет трудового коллектива продолжал на ГТС действовать. Вокруг царил неопределенность. Новые экономические веяния витали в воздухе. Штольц чувствовал, что скоро начнется акционирование, и тогда жизнь оживится, каждый работник, владеющий акциями предприятия, проявит реальную личную заинтересованность, и всячески будет способствовать развитию и повышению качества работы сети, увеличению её прибыльности.

Предприятие готовилось к переменам. На еженедельные планерки Штольц обязательно приглашал бригадиров низовых звеньев из производственных цехов. Пусть видят, как осуществляется руководство, пусть участвуют в принятии нужных решений, на практике пусть вникают в экономическую сторону вопроса, пусть прочувствуют, как просчет отдельного работника отрицательно сказывается на общих результатах... Прививал Штольц подчиненным своим чувство реального хозяина, верил, что скоро оно всем понадобится.

И вдруг... всё это оказывается ненужным? Другие на выпестованном им предприятии будут теперь править бал? Оказывается, вышестоящая организация, не спросив мнения людей, может воротить, что хочет? Нет, так дело не пойдет! Конечно, у вышестоящей организации больше полномочий. Но пусть Фенин встретится с коллективом! Пусть объяснит, что поступает правильно, и действительно, в их интересах. Штольц созвал расширенный Совет трудового коллектива и пригласил на него руководство ОПС.

Он очень хорошо знал настроения своих работников, был уверен в полной поддержке ими своих действий по отстаиванию самостоятельности предприятия. Выступая на собрании первым, без утайки, откровенно рассказал об отрицательных последствиях навязанной реорганизации. Предложил Фенину открыто, доступным языком, развеять сомнения коллектива в её целесообразности.

Фенин пытался, и Технический директор ОПС Конаков – тоже, пытался. Но толи ораторы они были плохие, толи слишком уж неубедительными были аргументы, – не получилось у них ничего. Дебаты были бурными, недовольство людей нарастало, председательствующему на собрании Журбе с трудом удавалось сдерживать эмоции в рамках цивилизованного приличия.

Фенин внешне был очень спокоен и оставался непоколебим в своем решении. Он знал силу своей власти. И, конечно же, не удержался, чтобы властью этой пригрозить. Открыто заявил, что если Штольц продолжит баламутить коллектив, и дальше будет препятствовать объединению, то решение будет следующим: придется Виктору Васильевичу просто расстаться с должностью, и вообще, – искать другое место работы. Консенсуса не получилось. Собрание завершилось ничем. Недовольство коллектива приглушить не удалось.

Штольц на угрозу Фенина публично не отреагировал. Угроза была реальной и могла круто изменить его жизнь. Ни он, ни семья его, к такому развороту событий готовы не были. И как это ни странно, перспектива быть уволенным Штольца не напугала. Она его только раззадорила.

Выяснение отношений двух хозяйствующих субъектов в областном арбитражном суде стало неизбежным. Самостоятельно Штольц до такого варианта развития событий не доду-

мался бы. Но был у него влиятельный консультант, разбирающийся в подобных вопросах. Брызгач Лев Андреевич – Заместитель прокурора области. И Штольц был уверен в его поддержке.

Глава 6. Помощник прокурора Брызгач

Мимолетная встреча их не предвещала продолжения. Штольца в один из дней срочно вызвали в областную прокуратуру. Беспокойства особого он не почувствовал. Не было за ним таких грехов, которые бы заставляли тревожно биться сердце от таких «приглашений» Обычное дело. Возникли телефонные трудности, и надзорная власть предпочитает решать их непосредственно через первого руководителя. Так и случилось. Прокурор области был в отпуске, и Брызгач временно его замещал. Срочно понадобилось увеличить количество телефонов в прокуратуре. Вот, Штолец ему и понадобился.

Штолец отреагировал оперативно и исполнил просьбу Брызгача в короткий срок. Лев Андреевич это заметил, ещё раз пригласил к себе Штольца, и что совершенно было для начальника ГТС необычно, лично поблагодарил его за добротню выполненную работу. Слово за слово... – разговорились! Брызгач обратил внимание на национальность Штольца, сказал, что наслышан о его профессиональной обязательности, твердости в отстаивании интересов связистов, и умении исполнять обещания. И вдруг, сообщил, что сам является немцем по национальности?! Он был старше Штольца лет на пятнадцать, но вел себя как равный с равным. Чувствовалось, что проявляет Лев Андреевич к нему неподдельный интерес, симпатию, и как-то совершенно запросто, стал он сразу же обращаться к Штольцу на «ты» и называть его по имени.

– Слушай Виктор, а у меня ведь очень близкие родственники проживают в Германии! Представляешь! А мой отец оказывается жил прямо в Берлине! В Столице!!! Брызгач произнес это с такой интонацией, как будто факт сей – просто чудо невероятное! И из восторженного тона его так и следовало сделать вывод, что люди, жившие когда-либо в Берлине – особые люди, и самые настоящие счастливики!

Штолец так не думал, но вежливо соглашался, делал вид, что очень понимает и разделяет прокурорские восторги, и даже немного завидует ему. Он не сильно удивился, что Брызгач является скрытым немцем и носит явно не немецкую фамилию. Такое бывало. В детстве записался хитрый пацан по материнской национальности для удобства в жизни, наверное, правильно сделал, – вот, и носит теперь в прокурорских петлицах три большие звезды. А сейчас, когда бывшие Советские республики раскрылись внешнему миру, быть немцем становится даже престижно. Хотя, сам лично Штолец выгоды от своей национальности не чувствовал. Выезжать в Германию этническим немцам на историческую Родину становилось все проще и проще, но сам он такого желания не испытывал.

Между тем Лев Андреевич посетовал, что очень уж в большую копеечку обходятся междугородные переговоры с германскими родственниками, а поговорить подольше, подробнее, поговорить о жизни заграничной очень хочется, и – вот незадача! Все-таки накладно это очень в финансовом отношении...

Штолец сообразил быстро – в таком личном, деликатном деле помочь прокурору ему не составляет труда. Подкупило, что очень уж доверительно в общении с ним повел себя прокурор. А почему бы и на самом деле не помочь ему? Есть у Штольца такая возможность!

Сам Штолец своим служебным телефоном пользовался только по прямому назначению. Звонить кому-либо за пределы города по личной необходимости – не было у него такой надобности. Хотя, с его служебного телефона можно было звонить куда угодно, в том числе, и в зарубежные государства. И лимит на такие переговоры начальнику Городской телефонной сети не ограничивали.

Ну что же – не пользуется своими привилегиями Штолец сам, – так можно предложить Брызгачу с его служебного телефона иногда звонить в Германию, раз есть в этом острая потреб-

ность! И Штольц предложил прокурору проводить переговоры из своего кабинета в любое, удобное для него время. Брызгач с удовольствием приглашение принял.

С той поры, не очень часто, но переговоры Брызгача из кабинета начальника ГТС со своими родственниками в Германии происходили, и были они довольно продолжительными. Штольц иногда, сделав вид, что надо срочно отдать нужное распоряжение, деликатно выходил из кабинета, а чаще всего при разговорах присутствовал. Содержание этих разговоров у Брызгача было совершенно обычным, как у обычных людей-родственников, разделенных непреодолимым расстоянием.

Они стали хорошими приятелями. Лев Андреевич оказался благодарным человеком. Однажды при встрече обратил он внимание, что Штольц сильно расстроен. Штольц и поделился проблемой, которая очень серьезно мешала организации работ по эксплуатации сети. Не было в достаточном количестве бензина на ГТС, чтобы обеспечить ритмичную работу автотранспорта. Бензин строго лимитировался Областным предприятием связи, и выделенного его количества, из расчета – на квартал, хватало лишь на месяц. Правдами и неправдами изыскивать приходилось бензин у городских предприятий, которые сами страдали от его недостатка. Иногда помогало руководство Нефтебазы, считающее полезным поддерживать позитивные отношения со связистами. Но очень уж надо было это бензиновое руководство уговаривать, и слишком часто приходилось ездить лично Штольцу к нему на поклон с просьбами о посильной помощи. И за это, встречные просьбы соответствующие выкладывались, об установке квартирных телефонов нужным им людям, которые приходилось учитывать и время от времени исполнять. А технические возможности по этой части в последнее время очень уж были у ГТС ограничены.

Штольц был сильно расстроен. Он вернулся с Нефтебазы ни с чем. Трудности, видишь ли, возникли у Нефтебазы! Нет лишнего бензина сейчас и всё! И до времени, когда ОПС выделит новую мизерную порцию бензина на следующий квартал, – ещё целых полтора месяца! Ну, прямо безвыходная ситуация сложилась! Ставь весь транспорт вынужденно на прикол, и крутись, как можешь! Очень расстроенным выглядел Штольц, не счел нужным это скрывать, и рассказал о трудностях своих прокурору.

А Лев Андреевич, окончив свой очередной разговор с германскими родственниками вдруг, вызвался помочь с решением этой, действительно, очень тяжелой для Штольца проблемы.

Тут же поехали они в прокуратуру. Брызгач завел Штольца в кабинет к областному прокурору Нуржанову, представил Виктора Васильевича, как человека, очень доброжелательно относящегося к просьбам из прокуратуры по телефонной части и решающего эти просьбы очень оперативно. В общем, полезный для прокуратуры Виктор Васильевич человек! И вот надо же – проблема возникла! В целом, нормальной работе телефонной связи в городе мешает. Надо бы ему помочь...

Нуржанов прислушался к просьбе своего заместителя, тут же набрал нужный номер, поговорил, и довольно долгое время потом, бензиновая проблема для ГТС, хотя и не исчезла совсем, но перестала быть мучительной.

Жизнь шла своим чередом. Добрые отношения сложились у Штольца и с Нуржановым. Просьбы из прокуратуры были очень редкими и необременительными. Штольц тоже свои проблемы решал самостоятельно, не прибегая к помощи высоких, очень влиятельных покровителей. А что касается взаимоотношений с Брызгачом, то стали они просто приятельскими. Часто обсуждали немецкую тему. Лев Андреевич активно изучал немецкий язык. И настойчиво пытался склонить к изучению родного языка Штольца, который им совсем не владел. Тщетно. В то время ещё не созрел Штольц до этого...

До выхода на пенсию Брызгачу оставалось совсем немного. И понял Штольц, что он очень хотел бы уехать в так обожаемую Германию. Вот только... Понимал Брызгач, что это вряд ли

у него получится. Всё-таки делом всей жизни его была репрессивная работа в идеологически чуждом Германии Советском Союзе. И люди, даже немцы, с таким, пусть даже в прошлом, послужным списком как у Брызгача, вряд ли были им нужны в их государстве. Грустно было Брызгачу от этого, но он не унывал – упорно продолжал учить язык и надеялся съездить туда, хотя бы в гости.

И вот – Городская телефонная сеть, как самостоятельное предприятие, ликвидируется?! А значит, и заканчивается возможность у Брызгача вести продолжительные разговоры бесплатные с родственниками германскими из кабинета городского начальника связи?! Когда узнал об этом Брызгач, очень он огорчился. Проявил участие, живо интересовался ходом связистского противостояния, и когда наступил для Штольца критический момент, посчитал нужным вмешаться. Он и надоумил Штольца испытать судьбу и предложил решить окончательно бескомпромиссный спор между самостоятельно хозяйствующими предприятиями в арбитражном суде. Штолец сомневался в успехе, все-таки, как ни крути, а ОПС является вышестоящей организацией и Фенин назначал его на должность начальника. Как назначал, так и снять может... А Брызгач уверял – в нынешней ситуации шанс отстоять самостоятельность Городской телефонной сети у Штольца есть! Железно уверен был Брызгач в успехе!

Все получилось именно так, как он предполагал. Арбитражный суд вынес однозначный вердикт. Оснований для ликвидации ГТС, как самостоятельного предприятия в настоящее время у Областного предприятия нет! Лев Андреевич поздравил начальника ГТС с победой, но Штолец понимал, что это – просто передышка. Это ненадолго.

Но в условиях всеобщей неопределенности, которая царила и вокруг, и в верхах, эта передышка представлялась ему очень важной. Кто-то мог подумать, что он захотел, в силу модных течений, оторвать вверенное ему предприятие от общей организационной структуры связи в стране, переподчинить его, к примеру, местным органам власти? Но это было не так. Штолец – кадровый связист, прекрасно понимал важность взаимосвязанности механизма отрасли «связь» в целом по стране. Его предприятие могло быть самостоятельным, но только до определенных пределов. И лишь до того времени, пока не прояснится достаточно ясно – куда же стратегически движется отрасль в обозримом будущем? Штолец был категорическим противником сомнительных, непродуманных экспериментов, и доверял своему проверенному опыту профессиональному чутью, – отсюда, и оказал решительное сопротивление навязываемым ОПС новшествам, тем более, что принимались они за его спиной по предприятию, во благо которого он душу вкладывал, без остатка. Не согласился, проявил решительное сопротивление – и оказался победителем!

Но даже сейчас, все равно, жить рядом, взаимодействовать с ОПС по вопросам стратегического развития сети было жизненно необходимо. И надо было с Фениным поддерживать деловые контакты. Штольцу нужна была независимость, самостоятельность и полная, в том числе, финансовая правомочность лишь по вопросам, собственно, эксплуатации сети в городе. Так сложилось, но не было вокруг профессионалов, которые справились бы с этой работой лучше его. Практикой последних лет это было доказано. Он это точно знал. И Фенин – знал тоже. Знал, и по своему, ценил Штольца. Может быть, поэтому, после решения Арбитражного суда Андрей Алексеевич не «закусил удила» а взял паузу. Пауза затянулась на годы...

Штолец отстоял свою самостоятельность. Между ним и руководством ОПС всегда была разумная дистанция, а сейчас – превратилась она в зияющую брешь. Он надолго запомнил, как шёл пешком от своего предприятия с главным бухгалтером и экономистом в Арбитражный суд. Областное предприятие связи представлял Технический директор Конаков, и тоже, с главным бухгалтером и экономистом. Так совпало, что шли группки их рядом, метрах в пяти друг от друга, и шли коллеги, как будто бы друг друга не знали. Хотя, годы работали вместе. И все настроены были на бескомпромиссную борьбу. А когда назад возвращались, и опять группками, недалеко друг от друга – тротуар ведь один, общий, – различались разительно настро-

ением. Лица помощников Штольца светились нескрываемой радостью, и даже торжеством, а на лицах оппонентов их – проступала растерянность и уныние. И витала в воздухе, явственно ощущалась, вскрывшаяся вдруг у управленцев к ним откровенная вражда.

Постепенно всё утряслось. Областное предприятие связи и до конфликта практически не помогало городским связистам в вопросах содержания телефонной сети. Кабельную продукцию и другие сопутствующие материалы изыскивала ГТС для себя самостоятельно. Так что по этому виду «взаимодействия» практически ничего не изменилось.

В финансовых вопросах, в распределении доходов и прибыли, в размерах отчислений в ОПС заработанных средств, предназначенных на общую модернизацию и развитие связи Фенин тоже не «перегибал палку». Продолжали действовать спущенные сверху, из Министерства нормативы, и он по этой части заместителям своим не позволял их грубо нарушать. Ужесточались, конечно, параметры отчислений для ГТС в пользу Областного предприятия, но так... – не до кабальных пределов. Да и не знало в деталях Областное предприятие реальных возможностей ГТС. Все обязательные платежи главный бухгалтер Пильникова перечисляла ему в полных объемах и в установленные сроки.

ГТС работала слаженно как никогда. Количество неработающих телефонов монтеры и кабельщики свели к минимуму, досадной потери доходов из-за длительных простоев связи у абонентов не допускали. И находилась возможность, тесно взаимодействуя с ПМК связи, даже проводить локальное развитие сети в проблемных точках города, получая при этом дополнительные незапланированные доходы.

После всех обязательных отчислений и платежей всю, оставшуюся в распоряжении предприятия, прибыль Штолец пускал на материальную поддержку работников, чтобы могли они, получая дополнительные выплаты и премии, смягчить для себя и своих семей в повседневной жизни, удручающие последствия галолирующей инфляции и неукротимого роста цен на всё и вся. Уверенно держался на плаву коллектив Городской телефонной сети.

Конечно же, это не стоило афишировать. Но и скрыть очередную выплату по итогам месяца, квартала, невозможно было от работников ОПС обитающих в соседнем здании окна из кабинетов которого смотрели в один, общий на всех, двор. Фенин порой выслушивал упреки от своих непосредственных подчиненных – вот, мол, опять ГТС премию себе выплатила, борзекот они, нагло позволяют себе жить лучше, чем Областное предприятие связи... Фенин пропускал это мимо ушей и никак не реагировал. Многое вокруг рушилось, разлаживалось, а телефоны в областном центре работали устойчиво практически все. И это – для Фенина, дорогого стоило и многое перевешивало...

Буйствовали его заместители. Распределяя премии руководителям предприятий области, находили они откровенно надуманные предлоги, и полностью лишали премиальных выплат Штольца. Всё это оформлялось решениями Совета ОПС. Коллегиально всё решалось. Штолец получал очередную денежную оценку своего труда в виде полновесного кукиша и поначалу пребывал в полной растерянности от явно проявленной к нему несправедливости. Всем работникам своего предприятия, включая прямых заместителей, старался он насколько возможно, максимально заплатить за их труд. А сам, получается, должен был жить на голом окладе? Первый квартал после Арбитражного суда так и было, а потом – нашелся выход.

– Виктор Васильевич, мы же все дополнительные премии своим работникам утверждаем на Совете трудового коллектива! А почему СТК не может решить вопрос выплаты заслуженной премии своему руководителю? Нет такого запрета! Однажды все заместители Штольца, оставшись после планерки, убедили его в правомочности такого решения. И действительно, прямого запрета на такие действия Совета не было. Стоило рискнуть. В последующем, свою долю от заработанных средств, в строгом соответствии с привязанной к его должностному окладу пропорцией, Штолец получал решением Совета трудового коллектива за подписью Председа-

теля СТК. Это было справедливо, но все равно первое время испытывал он некоторый внутренний дискомфорт. Потом – привык.

Время шло. От Областного предприятия связи регулярно шли решения с нулевой премией руководителю ГТС. Штольц научился распознавать их, как только брал в руки, и тут же, чтобы не будоражить лишней раз психику, брезгливо, стараясь как можно быстрее от такой бумаги избавиться, не читая, совал её в самый дальний ящик рабочего стола. Подальше с глаз...

Сложно работалось. Ничто ещё не утряслось окончательно. Временная передышка, она ведь могла в любой момент закончиться. Областное предприятие связи не давало никаких гарантий, что не возобновит в любой, удобно сложившийся момент, действий для достижения провозглашенной ранее цели. Рычагов влияния на ГТС у Фенина было предостаточно. Штольц долгое время был настороже. Не позволял себе расслабиться, в любую минуту готов был адекватно реагировать на выпады. И внутренняя отмотобилизованность сыграла с ним злую шутку.

Глава 7. Заместитель Акима Гремячий

Он допустил, некстати совсем, досадную, непростительную ошибку. Штольц совершал такие ошибки раньше, по неопытности. Жестоко бит был за эти ошибки, они врезались в память, и вот, снова, – зрелый опытный руководитель с семилетним стажем работы в городе, опять наступил на, те же, до боли знакомые, старые грабли.

Вместе с группой начальников Штольца пригласил заместитель областного Акима Гремячий. Тесно было в его кабинете, приглашенным едва хватило стульев. Владимир Юрьевич четко формулировал задания, которые необходимо было быстро и неукоснительно исполнить.

В разгаре был дачный сезон. Резко обострилась проблема поездок горожан на загородные дачи. Зрело недовольство. Городское руководство не смогло своевременно отреагировать. Вот Гремячий и вмешался, чтобы лично подстегнуть всех, от кого решение проблемы зависело. Затронуты были заодно и сопутствующие вопросы. И вот, непосредственно обратившись к Штольцу, заместитель Акима поставил задачу и ему. Поручил в течение трёх дней установить на территории дачного поселка два телефона-автомата.

Такого задания Штольц явно не ожидал. Чтобы выполнить его, к дачному поселку требовалось строить телефонную линию расстоянием около десяти километров. И одной командой, даже очень высокого руководителя, ничем не подкрепленной, да ещё и в течение трех дней, построить линию эту, да к тому же, силами эксплуатационного предприятия, было практически невозможно. Материальных ресурсов у ГТС не было. Об этом знало хорошо городское руководство, мирилось с этим. И вот, Гремячий вдруг, решил осчастливить дачников телефонной связью одним махом, командным наскоком. Что на него нашло? Он был очень опытным управленцем и всегда при постановке задач учитывал реалии...

Штольцу следовало совладать с собой, справиться со стихийно возникшим протестом, сделать вид, что задание воспринято так как надо, промолчать... Но очень уж конкретным человеком он был по складу характера. Знал, что задание Гремячий даёт не ради красного словца. Оно будет зафиксировано на бумаге его помощниками. И спрос за промедление в исполнении будет настойчивым, мучительным и жестким. Штольц мгновенно прокрутил в голове скудные варианты возможностей своего предприятия и всем существом своим ощутил неисполнимость задания. А раз так, значит, и отмести его следовало сразу. Ну, может быть, не буквально сразу...

Слишком напряжены были нервы у Штольца. Слишком много навалилось в один год проблем разом. И вот, еще одна! Штольц не выдержал. Сработал автоматом. С ходу, решительно стал возражать Гремячему.

– Владимир Юрьевич! Это нереально! Одних столбов, чтобы линию к дачам построить, потребуется не менее двухсот. Нет у ГТС этих столбов...

Гремячий, конечно, не ожидал, что ему осмелится кто-то из приглашенных, возражать и попытаться настоять на своем.

– Ну, так разыщите эти столбы – бросил слова с явным раздражением. Для того вы на месте своем и находитесь!

Штольц нашел, что сказать и на эти слова. Завязалась короткая перепалка. И это – в кабинете заместителя Акима области?!..

– Если вы такой беспомощный, зачем вообще сюда пришли?! Гремячий был в ярости и едва сдерживал себя. Указал жестом на дверь и выкрикнул

– Нечего вам здесь делать! Покиньте кабинет!..

Последнее распоряжение прозвучало как приговор. Заместитель Акима поставил жирную точку на перепалке, и Штольцу ничего другого не оставалось, как из кабинета выйти.

В воздухе висела напряженная тишина, лишь громко шуршали его ботинки, цепляясь подошвами за ковер и паркет,...

Пульсировали виски, кровь бушевала в голове. Было жарко до невозможности. Он шел отрешенный от всего по центральной площади на ГТС и почти не чувствовал ног. Были ноги плохо управляемыми и какими-то ватными. Постепенно приходил в себя.

Гремячий, он же по властной иерархии – третье лицо в области! Как можно было позволить себе, сцепиться с ним! Даже, если тысячу раз ты прав! Как можно... И кому что ты доказал?.. Штольц казнил себя, но было поздно.

Он всем существом своим чувствовал, что совершил непоправимое. Глупо, непрофессионально, запальчиво и по-детски повел себя. Только вот расплачиваться за это придется взрослому. Должностью своей придется расплатиться!

И самое досадное, – был уже аналогичный случай в его жизни. Точно также, из-за чрезмерной его принципиальности произошел нешуточный конфликт с Первым секретарем горкома партии. Но тогда его только поставили на должность, на «завалившее» связь в городе предприятие. И тогда он, молодой коммунист, по неопытности наивно верил, что Коммунистическая партия всегда справедлива. Его бы вышвырнули, конечно, из руководителей как нашкодившего котенка. Но нашлись защитники в связистской среде. Пользующийся огромным авторитетом в городе начальник Почтамта Селин и, конечно же – Фенин Андрей Алексеевич. Штольцу тогда он только что дал карт-бланш на вывод городского предприятия связи из затянувшегося кризиса. Очень уж много не работало разом телефонов в областном центре и это создавало серьезные трудности городским и областным властям в управлении. И горожанам – тоже. Не было у Фенина тогда специалистов способных поправить положение со связью в городе, и на Штольца он возлагал большие надежды. Вот и сумел защитить его от гнева Первого секретаря. Штольц удержался тогда чудом и оправдал доверие, справился с поставленной задачей. И секретарем горкома позже был признан как профессионал в своем деле.

А сейчас... Фенин защищать Штольца не пойдет. Наоборот, ему выгоден Штольцевский просчет. Вот он момент – присоединить к себе ГТС без проблем! Сам себя вышиб Штольц из игры. И поделом строптивцу...

Он стоял некоторое время во дворе ГТС полностью опустошенный. Помощи ждать не от кого. Ни областной прокурор Нуржанов, ни Брызгач не помогут в таком деле. Выслушивать сочувствие от помощников? Нет! Нечего знать им о случившемся. В кабинет на рабочее место идти не хотелось. Он заставил себя успокоиться, решил просто прогуляться по городу. Фатальный случай. От Судьбы не убежишь. Значит так предписано, что не быть ему больше начальником Городской телефонной сети. Ну что же, раз так случилось – так тому и быть.

Штольц успокоился окончательно и приготовился к любому решению Фенина. А гадать – какая задача, может быть, уже поставлена его прямому начальнику Гремячим в связи с вопиющим инцидентом, совсем и не требуется. Все ясно как божий день. Судьба...

Утром звонка от Фенина не последовало. Штольц гнал от себя дурные мысли, старался отвлечься. Получалось плохо. Просто так, сама по себе, не рассосется ситуация. Мелькала в глубине сознания надежда – а вдруг обойдется? И тут же исчезала – слишком уж была фантастической.

Всякие в жизни бывают ситуации. Но неопределенность – она ведь хуже всего. Висела в воздухе и отравляла сознание. На этот раз, недолго она не растянулась во времени. Звонком известили по телефону, что после обеда, в два часа, он должен явиться в областную Администрацию. Ну вот – всё, наконец, и решится! Штольц настроился – если необходимо, он будет опять отстаивать свою правоту. А там – как сложится...

В приемной он ожидал, что встретится с Фениным, но кроме секретарши, никого в ней не было. Она тут же о приходе начальника ГТС известила Гремячего и сказала, что

можно войти. Владимир Юрьевич был в кабинете один. Выглядел спокойным. Жестом указал Штольцу на стул, приглашая присесть, и тут же перешёл к делу.

– Слушай Виктор Васильевич, ты что себе позволяешь! Он только внешне был спокойным, клокотал внутри, с трудом сдерживал возбуждение и обращался к Штольцу на «ты». С интонацией, не предвещавшей ничего хорошего, произнес по-простецки

– Что это за выбрыки такие?!

Фенина в кабинете тоже не оказалось, и Штолец мгновенно сообразил, что получит сейчас хорошую взбучку, но с должности его снимать не будут. На поставленный вопрос надо было что-то отвечать.

– Владимир Юрьевич! – но...

Гремячий не позволил ему оправдываться. Задавил слова в зачатке. И сам продолжил возмущаться

– Какие такие «но»?! Ты что, не заметил, что в кабинете находилась масса народа? Тебе что, именно в этот момент надо было продемонстрировать бессилие твоей ГТС? Что, нельзя было остаться после совещания и объяснить? Совсем из головы вышибло, как надо вести себя в кабинете старшего руководителя, тем более – в присутствии посторонних? Или ты возомнил себя незаменимым и бравируешь этим? Зря бравируешь!..

Угрозы не получилось. Гремячий последние слова произнес на выдохе, полностью растрапив накопленную энергию. Глядел на Штольца выжидающе, а ему и отвечать было нечем. Развел лишь обескураженно руки в стороны Штолец, глядел Владимиру Юрьевичу прямо в глаза и всем видом своим показывал, что виноват очень и готов извиниться...

Не надо было слов его извинительных Гремячему. Он излил свое возмущение, выпустил пар, и что самое интересное, даже не вспомнил о том задании, которое Штолец отказался исполнять. Штольцу было стыдно, и Владимир Юрьевич почувствовал это. Он выговорился полностью. Пробурчав ещё несколько назиданий, подтянул к себе кипу бумаг, уткнулся в них и дал понять, что аудиенция окончена.

Штолец возвращался назад на свою работу и всё не мог поверить, что так легко отделался. Действительно, защитился сам, без чьей-либо помощи! Понимал: – выходка сошла ему с рук лишь потому, что по факту, пользовался он авторитетом в городе, заслужил этот авторитет делами, за долгие семь лет обеспечивая в областном центре надежную, устойчивую связь и заметное её развитие. Гремячий знал об этом, ценил людей за дела – и сам опытный управленец, специалистами не разбрасывался.

Глава 8. Язык как неотразимое оружие

Время шло. Жизнь продолжалась. Дни сменяли друг друга один за другим, были наполнены привычными производственными проблемами – обычные, рутинные, ничем не запоминающиеся. Всё как всегда. Обстановка вокруг, по-прежнему, была наполнена постоянной уже неопределённостью, и эта неопределенность вместе с вдыхаемым воздухом растворялась в крови Штольца, проникала в мозг, тревожила, будоражила душу.

Всё вроде бы идет, так как должно, политики в верхах решают проблемы во взаимоотношениях бывших Союзных Республик, находят компромиссные, устраивающие всех варианты, приходят к консенсусам. Понимают: СНГ – Союз Независимых Государств – благо для всех!

Понимать-то понимают, да вот только, вкусили личной, своей безграничной власти руководители вновь образованных независимых Государственных образований, и поступиться этой властью теперь не желают ни на йоту. Сами все, вдруг, стали с усами! И прежнего СССР больше не будет. Это – абсолютно точно. Всё дальше разбегаются, обособляются друг от друга бывшие Союзные Республики – худо, бедно ли – стараются вести самостоятельную жизнь.

Казахстан с этими процессами запаздывает, и всё равно надежда, теплившаяся в душе, как-то пытающаяся противостоять общей неопределенности, надежда на то, что он сохранит единое экономическое и политическое пространство с Россией, постепенно гаснет, тускнеет во времени, превращается в иллюзию и, вот уже зримо, умирает на глазах.

Люди чувствуют это. И Штолец чувствует. Старается заглушить смятение, растерянность внутри себя. Внешне держится уверенно – так, как будто ничего вокруг и не происходит экстраординарного. Замыкается в себе. Перестал газеты читать. Да их просто нет – газет этих, кроме местной – областной! Расстроилась система «Союзпечати». Почта не в состоянии обеспечить регулярную доставку периодической печатной продукции населению, выпуск которой, к тому же, резко сократился из-за отсутствия спроса. Единственный привычный источник, освещающий происходящее в мире – телевизор. Но подавляющей частью превалирует в новостных блоках негатив, угнетающий душу, неизбежно разжигает он тоску и уныние, и оттого Штолец и в телевизор все реже и реже заглядывает. Меньше знаешь – лучше спишь! И все равно – не спится как-то...

А на работе, заместитель его, вездесущий Журба Владимир Яковлевич по инерции старается держать начальника в курсе происходящего. Выкопает из только ему известных источников что-нибудь, достойное внимания, не может удержать в себе и тут же делится со Штольцем. Надо же с кем-то обсудить событие!

На этот раз добыл он информацию о том, что российский Вице-премьер Шохин во время визита в Казахстан, при обсуждении принципиальных вопросов совместных государственных взаимоотношений, без обиняков, так и заявил: если, мол, хотите оставаться вместе с Россией – присоединяйтесь к ней полностью и безоговорочно на её условиях! Иначе, мол, не выживите самостоятельно. И государственность собственную, настоящую, вряд ли создадите!

Вот так – попытался нахрапом «взять быка за рога».

И Журба и Штолец понимают, что было бы это лучшим выходом в сложившейся ситуации и для России и для Казахстана. Вроде бы и Назарбаев Нурсултан Абишевич откровенно, искренне желает теснейших взаимоотношений с Россией во всех сферах совместной жизни. Но понимают они и то, что нет в формуле Шохина даже элементарных признаков равноправия между договаривающимися субъектами. Попахивает эта формула грубым ультиматумом Назарбаеву, ультиматумом Республике еще совсем недавно объявившей на весь мир о собственном суверенитете. Если это действительно так, то нет более действенного и лучшего способа у России для достижения цели – цинично оттолкнуть, по-настоящему, отделить от себя Казахстан, – чем этот!

Боже! – что они, там, в России, творят, чем думают?..

И руководство Казахстана, кажется, вполне адекватно оценивает складывающуюся в реальности обстановку. «На бога надейся, а сам не плошай!» И действует всё решительнее. Практически все атрибуты собственной государственности созданы. Правда, сохраняется пока еще единое рублевое пространство. Но будоражат упорно казахстанцев слухи, что уже тайно опечатаны в Англии собственные казахские деньги, а раз так – наступит час, и непременно появятся они в обороте. И если Шохин, действительно, цинично настаивал на неприемлемом для Казахстана предложении, то этим он только приблизил событие, которое еще глубже разделит народы, совсем недавно – единой страны.

И действительно! В канун Нового 1994 года обзавелась Республика Казахстан собственной валютой – тенге. Вроде бы людей это не касается сильно, а они – реагируют. И не только на это. Другие не очень афишируемые события происходят вокруг. Если не задумываться особо, то ничего вроде бы и не происходит. А если – задуматься?.. Да и как тут – не задуматься, особенно, если это лично тебя коснулось!

Тот же Журба Владимир Яковлевич, верный помощник Штольца, его заместитель... Во время одной из бесед он сообщил, что скорее всего, по семейным обстоятельствам, вынужден будет уволиться с работы. Штолец поначалу не придавал особого значения его словам. Как-то несерьезно это выглядело. Журбе совсем недавно исполнилось пятьдесят лет. Возраст, когда и дергаться особо не имеет смысла. С самого рождения живет Владимир Яковлевич на одном месте, вырастил детей, и все они вместе с многочисленными родственниками, друзьями и знакомыми находятся рядом. Имеет работу, которая по душе, занимает достойную должность, и грех пока жаловаться на материальное положение. Вот только так сложилось, что несколько лет назад заболела тяжелой болезнью и рано ушла из жизни его жена, и через некоторое время, чтобы не мыкаться одному, женился он во второй раз. Взял жену моложе себя и жил с ней – душа в душу. А потом, у новой жены его стали случаться всё чаще и чаще неприятности на работе.

Она была врач по профессии, работала в областной больнице и с некоторых пор стала испытывать, казалось бы, незначительный, неприятный, но навязываемый с завидной настойчивостью всё усиливающийся дискомфорт.

А всё началось с языка. С провозглашением независимости язык титульной национальности официально был провозглашен государственным языком. Наверное, это было правильно. Тем более, что русский язык тоже законодательно признан языком межнационального общения, должен использоваться наравне с государственным языком и ни в коем случае не должен ущемляться. И все-таки – по статусу – не является он вторым, государственным! Ну а роль и значение нового государственного языка в молодом, вновь образовавшемся независимом государстве, естественно, должна была ощущаться остро.

Всё это так. Вот только процесс этот пусть бы шел естественным путем. Тем более что большинство граждан Казахстана, в том числе и казахов, прекрасно владели русским языком. Свой же, родной язык большей частью использовался ими на бытовом уровне.

Государство провозгласило – и тут же появились программы внедрения государственного языка. И в первую очередь более интенсивное его использование должно было проявиться в делопроизводстве.

Кое-кому захотелось быстрых результатов. Легче всего начать эту работу можно было в бюджетных государственных предприятиях и учреждениях. И она началась. В медицинских учреждениях, в учебных заведениях, в школах... Особенно в тех, где руководителями были представители государствообразующей нации. И чтобы быстрее это происходило, потребовались носители казахского языка. Много носителей – для создания языковой среды. И стали они всё сильнее и сильнее влиять на общий деловой фон в процессе работы.

Сотрудникам, не владеющим казахским языком, было предложено его срочно выучить. Организовывались спешно языковые курсы, но в силу отсутствия опыта их проведения, к тому же при отсутствии уверенности у учителей в успехе обучения, большей частью оказывались они неэффективными. Да и понятно же – гражданам не титульной национальности замороченным тяготами постперестроечного времени явно было не до дополнительных языковых проблем. Тем более, что знание языка, уж точно, их – уже существующие проблемы не решало, а требование изучения его лишь добавляло беспокойства и неуверенности в завтрашнем дне. Да ладно бы – только моральный дискомфорт появился в их жизни. Всё шло к тому, что по сравнению с ними, люди, пусть даже и на бытовом уровне владеющие государственным языком, получали существенное преимущество в повседневной жизни, на работе, особенно – в продвижении по службе, в карьерном росте...

И хотя русский язык действовал наравне с государственным, и казалось бы, – знания только его – достаточно, чтобы спокойно продолжать профессиональную деятельность, – живи себе потихоньку и радуйся, – на деле, так не получалось. Обязанность изучать государственный язык навязывалась административными методами всем без исключения, невзирая на возраст и способности, что добавляло нервозности. И даже если человек и его предки в нескольких поколениях жили на казахской земле, и так уж случилось, по известным всем объективным причинам, языком не владели, при возникновении языковой темы – это ставилось ему негласно в прямую вину. И все чаще и чаще – гласно. Озвучивалось без обиняков безапелляционное заявление – не нравится казахский язык, не желаешь учить его – вали в свою страну, даже если ты на деле и прекрасный специалист! В Германию, в Россию... Неуважение к казахам проявляешь? Нечего тебе тут делать! Без тебя справимся, жалеть не будем!

Естественно, внедрение в повседневную жизнь государственного языка среди населения страны, преобладающей частью им не владеющего, требовало очень длительного времени. А нетерпеливым головам хотелось результата добиться быстро. И даже – революционными методами. И совсем неважно было, – что на самом деле думают по этому поводу русскоязычные граждане, вдруг ставшие без вины виноватыми и в какой-то степени даже ущербными перед коренным титульным населением, из-за незнания государственного языка?

И многие высокообразованные специалисты-профессионалы, условия работы для которых, жизненные перспективы которых, вдруг, оказались в определенной, сознательно созданной зависимости от знания ими появившегося нового государственного языка на территории их, теперь уже бывшей и не существующей страны, не только думали, но и предпринимали вполне конкретные шаги. Просто принимали решение уехать из страны, которая предъявила им по национальному признаку дополнительные требования, и тем самым, создала существенные преимущества коренному населению. Те, уезжали, которые могли себе это позволить! А если – не могли?..

Казахстан в эйфории от свалившейся вдруг независимости воспринимая исход специалистов как должное, не предпринимал никаких мер, чтобы их удержать и похоже, не жалел о спровоцированной эмиграции. К тому же – моноэтнический состав страны – он ведь только укрепляет государственность!

Свобода... Каждый сам решает где ему жить... Рыба ищет где глубже...

Видно очень неуютно чувствовала себя жена Владимира Яковлевича в новых реально складывающихся условиях работы в медицинском учреждении, терпение лопнуло, и наступил момент, когда приняла она твердое и бесповоротное решение – переехать в Россию.

Журба в этой ситуации просто не имел решающего голоса и чтобы не потерять её, не разрушить семью, скрепя сердце вынужден был согласиться на переезд. Штольцу бессмысленно было отговаривать его. Да и был Владимир Яковлевич постарше возрастом и обладал личным богатым жизненным опытом.

Всё решилось быстро. Подписано заявление об увольнении, расчет бухгалтерии, и вот... нет уже у Штольца надежного помощника! Вакантно место заместителя, и это добавило сразу же трудностей в производственный процесс...

Как тут не задуматься... Коллектив, которым руководил Штолец, в большинстве своем состоял из русскоязычных работников, и языковые проблемы в повседневной жизни пока, слава богу, не возникали. Так сложилось и в Областном предприятии связи.

Добротные работники уезжали из Казахстана. Пока это были немцы. Их манила пропаганда, буквально вырывала к себе сытая этническая родина – Германия. Обещала навсегда избавить от того, чтобы задумывались в дальнейшей, благополучной и обеспеченной новой жизни они о своей национальности. Ну да – язык там тоже придется учить. Но это же – родной язык! На прекрасно организованных языковых курсах! В условиях нормального и даже комфортного человеческого проживания! В условиях, когда для детей сразу же созданы все условия для развития и учебы! Уж они-то, точно, немецкий язык быстро выучат! Да и мы – как-нибудь...

Болезненно это было для Городской телефонной сети. Прекрасные специалисты уезжали. Беккер Андрей – кабельщик... Иост Федя – водитель спецмашины... Уезжали смешанные семьи. Немки-жёны тянули за собой русских мужей. Коля Гончаров – механик гаража... Юра Попов – лучший начальник строительного участка ПМК связи... Их отъезд на чужбину с сотворенными не их руками, и не руками их предков «молочными реками и кисельными берегами» был воспринят Штольцем с откровенным недоумением и даже – осуждением. Как-то не по-мужски поступали они в его восприятии.

Чувствительно всё это для производства. Практически не осталось немцев на ГТС. Вот только начальник линейно-кабельного цеха Шмидт всё никак не дожждётся заветного вызова. Что-то там, в посольстве немецкие бюрократы никак не доберутся до его бумаг. Но надежды не теряет. Ждет терпеливо...

Сам Штолец об отъезде не помышляет. Вокруг – привычная жизнь, привычная атмосфера. Любимая работа. Всё что необходимо для нормальной жизни, заработал он собственным умом и трудолюбием. Излишеств – не нужно ни ему, ни его семье. Где родился – там и пригодился! Да – есть трудности, и их всё больше становится, но они – преодолимы! А где их нет? В Германии?.. Есть, конечно! Только они там свои – специфичные... А человек, он ведь для того и создан, чтобы трудности преодолевать... Какая разница – где?..

Еще пару лет назад твердо знал Штолец, что нет у него ни малейшей зацепки, эмигрировать в Германию. Родственники должны там объявиться, чтобы организовать запрос на воссоединение. Термин-то какой! И вот, всё изменилось.

Нашлись такие родственники у жены младшего брата. И вот, уже осваивает брат Вася совершенно новую жизнь в одной из германских земель. Вслед за ним тётка родная уехала. И потянулась цепочка... Ещё два брата вот-вот получают долгожданный вызов. Штолец понимает, что переезжают они туда, где в настоящее время созданы лучшие условия для жизни, но сердцем не может одобрить их выбор. Гасит вспышки отрицательных эмоций внутри себя. А душа вопреки разуму нет-нет и выносит, непроизвольно, беспощадный приговор братьям – изменой Родине это называется!

Высокопарно мыслит душа – прямо как в киношной жизни! Разум пытается подавить боль внутри и обиду на младших братьев, пытается подавить эмоции.

– Ну, зачем же так возвышенно! Какая измена? Мир сейчас другой совершенно. У них своя жизнь. Рыба ищет, где глубже...

Может быть и так. Но почему тогда болит сердце?.. И люди – они ведь не рыбы...

Сам Штолец уверен – в Германию он точно не уедет. И теперь уже факт, что близкая родня его, ещё недавно в единой стране разделенная лишь расстоянием, теперь капитально

отделяется труднопреодолимыми межгосударственными границами. И много чего ещё сопутствующего привносит это разделение...

Боль сердечная, она всё чаще, всё сильнее и сильнее напоминала о себе Штольцу. Возникла она в разгар перестройки и выплеснулась рецидивом после августовского путча в конце 1991 года. Целый месяц провел Штолец тогда на больничной койке. Он так и не понял до конца, что же случилось с ним в реальности. Микроинфаркт – таков был диагноз врачей. Но сам Штолец не очень этому верил. Эмоциональный, равнодушный по складу характера человек, он живо реагировал и искренне переживал за всё вокруг происходящее. И порой – за, не всё от него зависящее. Крепкий, закаленный физической работой и спортом с малых лет организм его, поддерживаемый здоровым образом жизни, успешно справлялся с трудностями и невзгодами, радостями и неприятностями, с душевным и физическим напряжением, через эмоции на него воздействующим. Но всему есть предел, и к сорока годам это воздействие через душевные переживания стало отражаться на физическом его состоянии. Как правило, во время общения с людьми, в ходе трудного, тяжелого разговора, ноющая боль возникала сверху у горла, и опускалась по левой части груди, окутывая сердце, вниз по ребрам, почти до поясницы. Заканчивался разговор, спадало напряжение, и боль постепенно отступала, рассасывалась и уходила сама собой. Это случалось всё чаще и чаще. Штолец не верил, что это сердечная боль. Скорее всего – остеохондроз, из-за не очень подвижной работы. Просто таковы особенности его организма. Так реагирует тело на эмоции – и всё! У каждого человека по-своему. У него – так! И ничего с этим не поделаешь. А в остальном ощущал он себя абсолютно здоровым человеком. И о посещении заведений медицинских даже не мыслил.

И всё-таки, однажды, после изматывающего душу приема посетителей по личным вопросам рассказал Штолец о плохом самочувствии начальнику Абонентского отдела Юртабаевой.

Асия Хасановна, чье рабочее место располагалось на острие «телефонного дефицита», обладала обширными и устойчивыми связями с «нужными» влиятельными людьми города. Она выразила неподдельное сочувствие, озабоченность и уговорила Штольца пройти обследование в городской спецполиклинике. Рассеяла его сомнения и нерешительность утверждением

– Виктор Васильевич, вы же не последний руководитель в городе! Всё городское и областное начальство в этой поликлинике лечится! И вам – положено!

Штольца тогда довольно сильно боль припекла, и он согласился. Так он познакомился с главным врачом спецбольницы – Букиным. Геннадий Петрович – высококлассный, опытный врач, изучил состояние Штольца, и вынес тот самый диагноз – ИБС.

Штолец и тут не поверил, пытался сомневаться. А врач – как приговорил

– А что вы хотели Виктор Васильевич? У вас же такая нервная работа! Запомните – все болезни – от нервов!

Назначил лечение и успокоил

– Не переживайте. Всё подправим. У вас начальная степень...

Штолец и не переживал. Времени на это не было. Но с тех пор, слава богу, не часто, в период обострения, несколько раз посещал поликлинику, и Букин назначал ему профилактический курс лечения – укольчики, витаминчики, массаж... Это – помогало. Успокаивало. Вселяло уверенность, что здоровье – оно ведь восстанавливается.

Первый раз о том, что в Казахстане в медицинских учреждениях происходит что-то не подлежащее восприятию простого обычного человека, поведал Штольцу Геннадий Петрович задолго до увольнения Журбы из-за языковых проблем у своей жены – медички. Боли в левой части груди усилились, участились, Штолец созвонился с Букиным и врач тут же назначил время приема.

Геннадий Петрович обнаружил, что у него поднялось артериальное давление, назначил курс уколов и предупредил, что, скорее всего, больше они не встретятся. Назвал фамилию

врача, к которому нужно будет прийти на прием в следующий раз. Это было так неожиданно, что Штольц растерялся и поначалу не знал даже как на это реагировать.

– Геннадий Петрович, ну а вы-то куда денетесь?

И поведал ему врач, что увольняется с работы и уезжает из Казахстана в Россию. Насо-всем! Наверное, ему надо было выговориться, и он рассказал Виктору Васильевичу о том, что в последнее время сталкивается с неприемлемыми по настойчивости требованиями по внедрению, в поликлинике, делопроизводства на государственном языке, необходимостью вести сопутствующую отчетность и прямыми намеками, что в случае невыполнения этих требований придется ему уступить место руководителю, этим языком владеющему. Он был возмущен до предела такой постановкой вопроса в вышестоящей инстанции и с горечью воскликнул

– Виктор Васильевич, что же будет со страной, которая в силу политических причин изгоняет, выталкивает за её пределы врачей по национальному признаку? Кто народ этой страны лечить будет?..

Штольц не знал, что ответить. Он был ошарашен тем, что услышал. Кому помешал главный врач спецбольницы? Геннадий Петрович в действительности был очень опытным врачом высокого класса. Был настоящим интеллигентом – тактичным и очень выдержанным в общении. Это какое же смятение надо было вызвать в его душе, чтобы вынудить пойти на шаг, круто меняющий его жизнь и жизнь его семьи! Решиться на перемену места жительства, на переезд в Россию – в страну, где ухудшается экономика, и происходят совершенно непредсказуемые политические процессы.

Оказалось, что решение Букина не было спонтанным. Он всё продумал и к переезду уже подготовился. Ему была предложена работа главврачом в крупной больнице одного из районов Омской области.

– И вас Виктор Васильевич, в ближайшем будущем не минует чаша очередных перемен. Задумайтесь над этим пока не поздно. А сами-то вы уезжать в Германию не собираетесь?

Штольц не собирался. Пробормотал что-то невнятно-вежливое в ответ. И вообще —он этот вопрос, в последнее время всё чаще и чаще ему задаваемый многочисленными знакомыми, просто ненавидел, и в душе едва не задышался от такой беспардонной любопытствующей бестактности. Воспринимал вопрос как напоминание, как прямой намек на то, что чужой он на земле, которая его породила. Чужой...

Штольц задумался тогда над тем, что сказал ему Букин, но ненадолго. Работы непочатый край. За кресло руководителя он не цепляется. Пока охотников, занять его слишком хлопотную должность, – нет. А там... время покажет...

Глава 9. Болезнь

Принимал назначенное лечение – уколы папаверина и витаминов В-6 – Штольц в процедурном кабинете в той же спецполиклинике. Пройтись до неё с километр пешим шагом по свежеснеговому, чистому снегу, гулко хрустящему под ногами, – было сплошным удовольствием. День ото дня крепчающий мороз, как казалось Штольцу, лишь усиливал эффект от лечения, изгонял остатки болезненной хандры, придавал бодрости.

Нужно было показаться врачу, которому передал наблюдение за ним Букин, но оказалось, что он уехал в длительную командировку, и будет отсутствовать почти месяц. Штольц почувствовал беспокойство, расстроился немного, но быстро взял себя в руки. Ничего страшного. Лечение ведь назначено. Надо пройти курс. А там – видно будет.

В процедурный кабинет на этот раз была очередь человек из десяти. Это были в основном ветераны войны. Одной из льгот им было предоставлено право, наравне с начальством, также получать медицинское обслуживание в спецполиклинике – лучшей больнице города, как они считали.

И всё-таки, беспокойство оттого, что врача долго не будет, возникшее там – наверху, у кабинета, почему-то не проходило и всё сильнее напрягало Штольца. Непроизвольно как-то, возникла мысль, что – а вдруг, самочувствие его начнет ухудшаться и ему просто не к кому будет обратиться. Показалось Штольцу, что подступает слабость и начинает кружиться голова. Он отыскал взглядом скамейку с ветеранами, увидел свободное место, решил, что надо присесть, расслабиться, избавиться, наконец, от дурного наваждения. Помогло. Но ненадолго. Вдруг, стало жарко, пол наклонился под ногами, стал ускользать. Страх, что он сейчас потеряет сознание и просто упадет на землю, перемешанный с отчаянным желанием не допустить этого, пронзил насквозь. Организм среагировал мгновенно, превратился в сгусток энергии, Штольц инстинктивно дернулся, встрепенулся и вновь обрел контроль над собой. Почувствовал, что холодный пот катится градом со лба по щекам, с затылка – по спине, вытащил носовой платок и лихорадочно стал им утираться.

Резким, неожиданным рывком он обратил на себя внимание и рядом сидящая пенсионерка окинула его участливым взглядом, поняла, что происходит что-то неладное и задала вопрос

– Что с вами? Вам плохо?..

Штольц хоть и пришел в себя, но совершенно не был уверен, что приступ слабости не повторится вновь и честно признался

– Да, что-то нехорошо... Кажется, я едва не свалился в обморок...

Ему тут же вызвали медсестру из процедурного кабинета, пропустили без очереди в кабинет, и пока она готовила шприц, делала укол, Штольц пришел в себя окончательно, почувствовал, что вернулись силы, и прояснилось в голове.

И всё-таки вышел Штольц из процедурной, неуверенной походкой. Пожалел, что не приехал на автомобиле. Назад на работу возвращаться надо было пешком. Но что-то там у него внутри парадоксально изменилось. Всего час назад он шел в поликлинику бодрым, в общем-то, здоровым человеком. Но вот, что-то хрустнуло, надломилось в сознании, да ещё как будто по иронии, здесь – в медицинском учреждении, обострило тяжесть в левой части груди, распространило её под сердце к солнечному сплетению, и в миг почувствовал он себя абсолютно больным, чуть ли не беспомощным, и даже засомневался, что самостоятельно сумеет преодолеть предстоящий обратный путь на ГТС. Надеяться было не на кого, и он собрал всю свою волю в кулак и шагнул в уличный холод.

Пронизывающий, перемешанный с морозом ветер бил в лицо, обжигал щеки, отвлекал всё внимание на себя. Штольц шел осторожным, медленным шагом. Холод перебил, оттеснил

в сторону болезненные мысли и он перестал, наконец, вслушиваться в себя. И оттого стало ему лучше. До конца рабочего дня оставалось еще время, начальник понадобился, вдруг сразу, несколькими сотрудникам, и производственные проблемы отвлекли от внутренних переживаний его окончательно.

Конечно же, это был рецидив. В последующие дни Штольц углубился в дела, работал как обычно. Но поселилась прочно в его сознании мысль, что все-таки, наверное, он болен серьезно, и что сама по себе болезнь уже не пройдет. Мысль эта возникала в самый неподходящий момент, сковывала, мешала, и не давала просто с естественной легкостью радоваться жизни. Штольц не хотел и не мог с этим смириться. Надо было что-то делать.

Назначенный курс лечения прошел он полностью. Самочувствие улучшилось, и на некоторое время Штольц опять повеселел. И всё-таки, причину того, что вызывает болезненные ощущения в его организме, принятое лечение не устранило. Штольц опять начал сомневаться в диагнозе, поставленном Букиным. Всё-таки это не ИБС, не от сердца исходит беспокоящая боль. Ощущения, что боль в сердце – это, скорее всего, вторичное явление. А вот боль от горла к груди и ниже по ребрам, в том числе и сердце провоцирующая...

Она появляться стала давно, еще во времена работы Штольца в Эксплуатационно-техническом узле связи и возникала в моменты, когда он расстраивался, разговаривал эмоционально. Когда усиливал на собеседника голосовой напор. Он любил ходить пешком, дома после работы много работал по хозяйству, переносил тяжести, трудился на приусадебном участке, переносил значительные физические нагрузки. Выполнять физическую работу было ему совсем не в тягость. Болью и не пахло. Наоборот физические нагрузки бодрили, были просто в радость и доставляли удовольствие. Боль приходила с нервными нагрузками, с эмоциями. Рождалась она в голове. Не сердечная боль это была, не сердечная...

Весна была на подходе, стучалась в окна, а число посетителей по вопросам установки телефона на квартире не возрастало, как обычно бывало в этот период времени. Прием заканчивался. Всего лишь три человека убеждали Штольца в том, как нужен им телефон в повседневной жизни.

Штольц и рад был бы им помочь, но... такой возможности не было. Он убедительно, решительным тоном, заученными от многократного повторения наизусть, словами-штампами уверенно отбирал, гасил надежду у сидящего перед ним человека, что возможность установить ему телефон у начальника всё-таки найдется.

Не было такой возможности. Городская телефонная сеть в погоне за доходами в условиях хозрасчета и самоокупаемости давно уже сама, не дожидаясь просителей, заполняла и перераспределяла освободившиеся по случаю, вдруг, по людским жизненным обстоятельствам, одиочные телефонные мощности.

Но месяца три назад был один дом, в котором возможность установить не один, а много телефонов сразу, появилась. Это был дом, уже после бесславного краха перестройки, по инерции достроенный. Дом Управления внутренних дел – так его называли.

Отказ на установку телефона горожане получали в подавляющих случаях из-за того, что к домам, в которых они жили, в телефонных кабелях не было свободных линий. А вот к дому УВД эти линии были. Подтянутый к нему строителями новенький кабель мощностью своей позволял выполнить стопроцентную телефонизацию квартир.

Льготники, очередники – все желающие, в этом доме телефоны получили. Но оказалось таких желающих поразительно мало. Пришли за телефоном в абонентский отдел лишь жители сорока квартир. А было этих квартир в доме аж сто! Ещё год назад, во всех этих квартирах жителей не надо было упрашивать, чтобы захотели они занять собственный телефон. Сами дожидаться не могли, докучали связистам, требовали...

И вот, резко всё переменялось. Прошло после того, как появились в доме телефоны у всех желающих – целых три месяца! Несмотря на регулярно получаемые от абонентского отдела

приглашения, больше никто за телефоном не приходил. Телефонные номера на ГТС имелись, телефонные линии, привязанные к дому болтались незадействованными. А у людей, получивших в новом доме квартиры, просто не было денег, чтобы заплатить стоимость установки телефона.

А ведь эти линии предприятию могли бы приносить доходы не только за установку, но и в виде абонентской платы за пользование телефоном, за междугородные переговоры...

Это ещё не практиковалось связистами, но время на дворе сложное, неопределённое, личная инициатива – проявить предприимчивость, она ведь поощряется, и Штольц решился. Решился на то, чтобы сделать за установку телефона в потенциально полностью телефонизированном доме скидку в тридцать процентов от прописанной тарифами стоимости. Найдутся жители, установят за сниженную цену телефон у себя на квартире, начнут пользоваться телефоном. И им хорошо будет, и предприятию – тоже. Не сидеть же на этих свободных линиях как собака на сене! Не ждать же с моря погоды!

Эффект был. Жильцы зашевелились. Не все, конечно, но задействованная емкость кабеля увеличилась вдвое и составила восемьдесят процентов. Штольц порадовался, но ненадолго.

На этот злополучный прием, в дополнение к трем, обычным просителям, пришли сразу две посетительницы из этого дома и в кабинет вошли вместе. Обе настроены были решительно, и как оказалось, намерены были разобраться – почему с них за установку телефона взяли больше, чем с тех жильцов, которым телефоны устанавливаются сейчас. Штольц пытался разъяснить им, что рыночная экономика позволяет цену на товар устанавливать в зависимости от спроса, что три месяца назад спрос на телефон в их доме был один, а сейчас он совершенно другой. Хотел сказать, что товар не должен залеживаться на прилавках, но телефон как-то не очень ассоциировался со словом «товар» и он нашел другие, более подходящие аргументы в пользу снижения установочной стоимости телефона. Однако новые решения в связи с изменившейся ситуацией, обратной силы для состоявшихся абонентов сети не имеют.

Зря старался. Дамы только сильнее распалились от его разъяснений. Чувствовали себя обманутыми и ограбленными. Они настаивали, чтобы ГТС вернула им, по их твердому убеждению, несправедливо оплаченную ценовую разницу. Штольц был непреклонен, и дело дошло до угроз

– Мы завтра же обратимся в прокуратуру! Они разберутся... Мы выведем вас на чистую воду! Взятчники...

Испугать Штольца было не так-то просто. Много, очень много таких наскоков отразил он уже за довольно продолжительное время работы телефонным начальником. Сказано было всё, стороны не понимали друг друга, и он завершил перепалку словами

– Воля ваша! Можете обращаться куда угодно. Видно у вас очень много свободного времени и энергии девать некуда в борьбе за всеобщее равенство. Желаю удачи!..

Продолжая на ходу, по инерции выкрикивать угрозы женщины покинули кабинет, так и не достигнув желаемого.

Штольц перевёл дух, дышал глубоко, всей грудью пытался успокоиться. Привычная боль в левой части груди, давила, жгла... Чувствовал, как горит лицо от прилившей к голове крови.

Постепенно мысли упорядочивались. Он всё сделал правильно! И не только одному ему надо привыкать к жизни в рыночных условиях. Этим двум женщинам – тоже надо привыкать...

Боль начала утихать. Возбуждение улеглось. Надо было сообщить об инциденте главному бухгалтеру, и он вызвал её к себе по внутренней связи. Пильникова должна быть в курсе. В случае чего, совместно им придется отстаивать правомочность своих действий.

Забегая вперед, следует сказать, что история эта продолжения не получила. Просто посетительницам достаточным, оказалось, выплеснуть свое недовольство в лицо телефонному начальнику и они успокоились на этом.

Но они остановили предпринимательский порыв Штольца. Он сделал для себя выводы. Не стал продолжать эксперимент со снижением цены. Себе дороже! Есть вышестоящая организация – пусть она приспособливает тарифы к рыночным условиям. Сложный это вопрос. Людям не очень понятный. Может обернуться инициатива серьезными неприятностями для него, лично. Не нужны они ему сейчас...

Тогда, во время обсуждения случившегося конфликта с главным бухгалтером, он до конца еще не совладал с собой, вид у Штольца был взъерошенный, состояние – болезненным. Надежда Васильевна обеспокоилась этим и настоятельно рекомендовала заняться своим здоровьем, провериться, подлечиться. А на следующий день поставила Штольца перед фактом.

– Виктор Васильевич, я переговорила с врачом. Это Куцев Игорь Владимирович. Заведует он неврологическим отделением в городской больнице. Вас хорошо знает. Вы ему не так давно телефон на квартире ставили. Поезжайте к нему. Он очень хороший врач. Опытный... Примет вас в любое время. Осмотрит, проконсультирует и если надо – лечение назначит. Не тяните... Поезжайте сейчас!

Настырная эта Пильникова! Не отстанет просто так. Неудобно было отвергать Штольцу от чистого сердца сотрудницей предлагаемую помощь. Он поехал...

Развал Советского Союза в декабре 1991 года Штолец встретил в городской больнице. Он провел в ней целый месяц, из-за проблем с сердцем, как определили тогда врачи. Неврологическое отделение, которым заведовал Куцев, находилось рядом. Они знали друг друга в лицо. Здоровались, разговаривали иногда на общие темы.

Более двух лет прошли с тех пор, многое изменилось в больничной жизни в худшую сторону, но неврологическое отделение располагалось на старом месте, и отыскать Куцева Штольцу не составило труда.

Встретил Игорь Владимирович его приветливо, как старого знакомого, расспросил подробно о самочувствии, о том, что беспокоит, где болит – слушал внимательно. Штолец особо не жаловался, сейчас он чувствовал себя прекрасно, и даже подумалось, что поторопился, наверное, с визитом к врачу. И всё-таки рассказал, что выбивает его из колеи боль вызываемая эмоциями, ярко выраженная боль, возникающая всё чаще и чаще. Конечно, можно было взять себя в руки, стать пофигистом и безучастно, с равнодушием созерцать окружающий мир, наблюдать свысока, с иронией за страстями людскими. Может быть, и улеглась бы потихоньку сама собой эта боль.

Легко сказать! Он же не бревно и не робот! Таким уродился – эмоциональным, взрывным и легко ранимым. Мама так и говорила в детстве еще

– Витя, ну и характер у тебя! Ты весь – как спичка. Чирк – и загорелся. Трудно тебе будет жить, если не переменишься. Трудно будет среди людей...

Конечно же, Штолец не переменился. Наверное, со стороны виднее, но сам он особых трудностей не испытывал. Вернее – значения им особого не придавал. Преодолевал и всё! С людьми умел ладить и понимал их. Вот только... здоровье подводить начинает. Не рано-вато ли...

Куцев послушал его сердце, измерил давление. Хмыкнул загадочно, окинул Штольца всего снизу вверх цепким, оценочным взглядом и выдал результат.

– Ну-у, Виктор Васильевич, не вижу я особых причин для беспокойства. Вам просто надо меньше волноваться. Ну а боли... Это остеохондроз. Противная вещь! Сейчас, проверим ваш позвоночник. Нерв где-то зажат. Вот и отдает он болью в грудную клетку. Ну, ничего – мы это поправим!

Не откладывая дела в дальний ящик, он попросил Штольца лечь лицом вниз на кушетку и стал прощупывать позвоночник. Штолец ощущал, как сильные руки врача твердыми, чувствительными пальцами уверенно исследуют спину, сантиметр за сантиметром, последова-

тельно перемещаясь от поясницы к затылку. Не пропускают ни одной косточки, продавливают, проверяют на эластичность...

Где-то между лопаток, остановились, замерли пальцы.

– Во-от! – услышал Штольц довольный голос врача. Вот он – бугорок! Вот оно – место закостеневшее! Надавил сильнее обычного Игорь Владимирович на точку, его заинтересовавшую, и спросил

– Ну, как? Боль чувствуете?

Штольц подтвердил, что чувствует. И действительно, только что, ему даже приятно было от того, как разминает и теребит врач его позвоночник, а сейчас, реально ощутил он слабую боль. И пока Штольц прислушивался к ней, Игорь Владимирович скрестил как-то по-особенному ладони, одну на другую, приложил к обнаруженной патологии и резко с силой надавил. Раздался хруст, что-то сдвинулось под руками у врача, и показалось даже Штольцу, что он позвоночник ему сломал. Кратковременная, резкая боль пронзила его и тут же исчезла. А врач уже прощупывал тщательно чувствительными своими пальцами потревоженное место и бормотал вслух что-то неразборчивое. Резкой боли от прикосновений его рук больше не было. Так... слегка ноющая неприятность...

Потом Штольц сполз с кушетки и ничего с его позвоночником страшного не случилось. Боль между лопатками немного усилилась, и он опять подумал – а вдруг сместил ему врач что-то не так, и как бы от этого не стало ему еще хуже.

Врач быстро успокоил. Он явно был уверен в правильности своих действий и выглядел очень довольным. Потом он настоятельно порекомендовал Штольцу несколько дней поберечься, избегать нагрузок и резких движений, назначил курс массажа и сказал, что сам, лично будет его делать. И Штольц поверил разом, что избавится, наконец, от так надоевшей своей боли.

И действительно, массаж оказал благотворное действие. Куцев проводил его уверенно, профессионально, мастерски. На последний, десятый сеанс, из благодарности, принес и в качестве подарка вручил ему Штольц новенький, красивый, навороченный дополнительными функциями, телефонный аппарат.

Куцев принял его как должное, телефон очень понравился. И всё-таки, видимо сам он не был уверен до конца, что вот взяла и исчезла совсем многие годы мучившая Штольца боль. Он задумался как-то, а потом еще раз настоятельно порекомендовал, что следует научиться ему, держать себя в руках, не реагировать на всякие жизненные пустяки. Сказал на прощание

– Пусть идет всё как идет. Вы же, Виктор Васильевич, личными своими переживаниями изменить всё не можете. Ну, и не берите в душу... А потом, когда шагнул уже Штольц за порог кабинета, предложил

– А впрочем, дам я вам одно лекарство. Только оно у меня дома. Спросил

– Вы на машине приехали? И получив утвердительный ответ, добавил

– Вот и славно. Через пятнадцать минут я освобожусь, заодно и домой вы меня подбросите...

К себе в квартиру Куцев Штольца не пригласил, и пока бегал он за лекарством, Штольц стоял во дворе, вдыхал полной грудью свежий, запахами весны пропитанный воздух. Легкий ветерок нёс в себе ласковое, приятное тепло. Ярко светило лучистое солнце и отражалось слепящими бликами от оконных стекол многоэтажек. Штольц стоял и просто наслаждался ощущениями, которые дарил ему один из первых настоящих дней, только еще вступающей в полную силу весны. Время года наступало, которое он очень любил – тёплое, жаркое, светлое, – время обновления, расцвета всего живого, время, несущее в себе прилив жизненных сил и радость. И у него тоже обновится организм, пройдет хандра, всё уляжется, утрясется и вернется на свои места.

Появился Кушев и вручил ему цилиндрический коробок с лекарством. Предварительно раскрыл его, показал Штольцу едва видневшиеся на доньшке крохотные белые таблетки, сказал, что их – двадцать штук. А потом строго предупредил

– Принимать будете по пол таблетки и только в ситуациях, когда возникнуть может сильное волнение, неприятности, переживания, страх чего-либо. Не злоупотребляйте!

Штолец не придавал значения особого его словам. Он не был любителем лекарств. Да и что это за лекарство такое – таблетка маленькая, едва заметная, а ещё и принимать врач предписывает только половинку этого мизера? Подумаешь! Какие уж тут злоупотребления... В автомашине разглядел этикетку на цилиндрике. Лекарство называлось – «мерлит» и произведено было за границей – в Австрии...

В мыслях реакцию свою на происходящее вокруг планировать можно было по-всякому. Только это не помогало. В Казахстане ускоренными темпами осуществлялся переход на новые, рыночные условия хозяйствования. В безжалостной, жесткой по отношению к населению форме проходило «лечение» его от «социалистической жизни». Реальная обстановка не располагала к благодушию. Повседневная работа требовала конкретных действий, напряжения всех сил. Время подбрасывало проблем, ломало и корежило психику Штольца, и очень скоро он испытал на себе благотворное действие рекомендованной Кушевым крохотной таблеточной половинки. А потом, ещё раз и ещё... И странное дело, так совпало, от таблетки первое время было хорошо, а потом общее самочувствие его все равно ухудшалось. Естественно, увязывал Штолец это с возрастающими сложностями на работе, с натянутыми взаимоотношениями с начальством, с дисциплинарными проступками работников, с вечно недовольными посетителями, и ни в коем случае, не с таблетками. Таблетки реально помогали обрести душевное равновесие, но время, в течение которого они действовали, всё сокращалось и сокращалось. И наступил момент, когда осознал Штолец, что не сегодня-завтра таблетки закончатся. Он собрал всю свою волю в кулак, заставил себя принимать их как можно реже, и обнаружил, что теперь самочувствие его ухудшается даже тогда, когда, казалось, тишь и благодать вокруг. Когда никто не мешает ему, никто не беспокоит, и остаётся он сам с собой, один на один. С возрастающим беспокойством ждал он, что лекарство закончится, и вот, этот момент наступил.

Это происходило дома, вечером, после работы. Угнетенное состояние не покидало его, навалилась слабость, мерещились боли в сердце, необъяснимая тревога подкатывала к горлу. Штолец лег в постель, постарался расслабиться, заснуть, забыться во сне, но не получилось. Сон не приходил. Наоборот, страх навалился с ещё большей силой и почувствовал он, что если немедленно не примет последнюю, спасительную таблетку, то непременно потеряет сознание, как тогда, в спецполиклинике, на виду у пенсионеров.

Полегчало. Удалось на некоторое время забыться. Но всё равно, мысль, что нет у него теперь лекарства, билась в голове, будоражила сознание, и ночь прошла в лихорадочных полусонных метаниях. Следующий день на работе он держался из последних сил. Можно было обратиться к Кушеву за очередной порцией лекарства опять, но Штолец интуитивно сумел сделать правильный вывод из сложившегося положения. Он был наблюдательным человеком, был хорошим аналитиком и давно отметил, что таблетки позволяют лишь на некоторое время устранить неприятное беспокойство, снять болезненное напряжение, почувствовать прилив сил, вернуть бодрость, но они не устраняют первопричины его недуга. Уверенность, внушенная Кушевым, что был недуг у него вызван из-за ущемления нерва в позвоночнике, со временем прошла, улетучилась. Постепенно боль от горла в грудную клетку, и дальше – вниз, вернулась, опять усиливалась по мере повышения голоса при эмоциональных разговорах. И опять начала вызывать эта боль у Штольца приступы безысходности.

Таблетки помогали лишь на некоторое время. Но по складу характера, в силу неукротимой убежденности, что неправильно это, что нельзя с этой болезнью смириться, что способ

одолеть её должен быть найден, только правильный, верный способ, а не эти, вот, отвлекающие таблетки – не стал повторно обращаться Штольц к Кущеву. Сохранилось у него в сознании, глубоко внутри, убеждение, что в целом организм его – крепкий, здоровый и жизнеспособный. Сбой какой-то произошел – это да! Но должен быть найден способ избавиться от него. Должен! Смириться, жить из-за этого на таблетках?.. Нет! И ещё раз – Нет!

Пройдет целых пять лет узнает Штольц, что таблетки Кущева представляли собой сильно действующий транквилизатор, что вызывают они привыкание организма и зависимость от них, что пользоваться лекарством этим надо умело, осторожно и под строгим контролем врача, соблюдая все его предписания. Всё это узнает он потом, а пока – что случилось – то случилось, и последствия приема таблеток предстояло ему преодолеть. Ничего даже не подозревая о «коварстве» таблеток, вызывающих учащающиеся рецидивы от их употребления, воспринимал он рецидивы эти как обострение первоначальной болезни.

Таблетки не выходили из головы, он крепился на пределе сил. Срыв произошел на второй день во второй половине рабочего дня. Самочувствие резко, беспричинно стало ухудшаться, стало возникать помутнение в голове, и опять показалось Штольцу, что вот-вот потеряет он сознание. И оттого, что находился он в кабинете один – дикий страх пронзил насквозь, стало невыносимо жарко, и весь мгновенно покрылся он липким противным потом. Запаниковал Штольц сильно, но все-таки сумел удержать себя в руках. Схватился за телефон, позвонил механику гаража, чтобы отвез он его на машине домой, и чтобы не оставаться одному, сорвал с работы жену, которая находилась в этом же здании, этажом ниже, и работала на Автоматической междугородной станции. Напугал её сильно. Все симптомы говорили о том, что переживает Штольц сердечный приступ. Жена волновалась очень, нашла в домашней аптечке нужные лекарства. После приема валидола самочувствие улучшилось, и он постепенно успокоился.

Глава 10. Целители

Прошло еще несколько дней. Обстановка на работе в те дни выдалась на редкость спокойной, но вид у Штольца всё равно был болезненный, это было заметно. Пильникова охала сочувственно и говорила, что его кто-то сглазил. Было еще целых два месяца до увольнения Журбы. На этот раз Владимир Яковлевич проникся участием, и уговорил его съездить к хорошему своему знакомому, – деду-знахарю. Дед этот пользовался известностью, практиковал лечение травами.

Штолец устал от взвинченного своего состояния, не очень поверил в чудодейственные лечебные способности народного лекаря, но выбирать не приходилось, он готов был уцепиться даже за соломинку. Журба – опытный, многое повидавший в жизни человек, просто так, ради красного словца, сотрясать воздух не будет. Знает, о чем говорит, всегда дело предлагает. Опять оживилась надежда на избавление от мучительного состояния. Да и попытка – не пытка.

Вспомнилась Штольцу повесть писателя Владимира Маканина «Предтеча» о талантливом самородке, народном врачевателе Якушкине, помогавшем природным даром своим людям избавляться от недугов. Очень подробно и убедительно в книге описаны были творимые им чудеса исцелений. И дед этот – Журба знакомец, а вдруг и он обладает чудодейственными способностями?.. Травами лечит... В травах ведь, если досконально изучить их свойства, и использовать умело, огромная живительная сила содержится!

В качестве служебного транспорта использовал Штолец собственный автомобиль «Жигули». Лекарь жил в пригородном селе, в районном центре, в получасе езды от города. Журба более двадцати лет отработал начальником районного узла связи в этом сельском районе, на малой своей Родине, имел обширные знакомства среди земляков и не терял связей с ними.

Штолец управлял автомобилем, а он сидел рядом на переднем сиденье, рассказывал, не умолкая о лекарских успехах знахаря-травника. Говорил увлеченно и не подозревал, что историями этими сильно раздражает Штольца и вызывает в восприятии неприятные болезненные ассоциации. Штолец старался не вникать в смысл его слов, крепился изо всех сил и в мыслях страстно желал, чтобы он, наконец, замолчал. Сказать ему прямо об этом не решался – недостойно как-то это будет выглядеть! Ведь Журба сам вызвался помочь ему...

Навстречу на большой скорости приближался грузовик с углем, горкой нагруженным в кузове. Жигули Штольца вот-вот должны были с ним разминуться. Грузовик подбросило на попавшейся под его колеса рытвине, он подпрыгнул, из кузова выпал кусок угля размером с кулак. Ничего нельзя было поделать, кусок летел навстречу прямо в лобовое стекло, в ту его часть, за которой сидел Журба. У Штольца промелькнуло в голове, что сейчас случится ужасное, стекло не выдержит и камень угодит Журбе прямо в лицо. Он вцепился в руль, рванул автомобиль на середину освобождавшейся за грузовиком пустынной дороги и не успел затормозить. Раздался громкий хлопок, в глаза ударил яркий свет, Журба дернулся в сторону, вниз...

Стекло не разлетелось в клочья и даже не треснуло. Угольный комок скользнул по нему, ударил по стойке кабины и разлетелся мелкими кусочками.

Они не успели испугаться. Всё произошло в несколько мгновений и повезло очень, что стекло выдержало скользящий удар и не разбилось. А Штолец чуть позже подумал про себя, что кусок угля этот пришелся кстати. Журба, наверное, пережил всё-таки запоздалый страх, сидел с сосредоточенным лицом и всю оставшуюся дорогу молчал.

Лекарь жил в небольшом домике на окраине села. В комнате вместе с хозяином за столом сидели двое мужчин. Штольцу показалось сначала, что они пьянствовали, но нет, – пили они чай. «Дед» оказался крепким, здоровым мужиком, встретил их приветливо, перебросился

несколькими словами с Журбой и сосредоточил внимание своё на Штольце. Окинул его пытливым ищущим взглядом и, не дожидаясь, когда Штольц начнет рассказывать о хворях своих, сам уверенно стал их перечислять. Проявил удивительную осведомленность. Штольцу ничего не оставалось, как поддакивать и на полу-утверждения, полу-вопросы лишь согласно кивать головой. Чувствовал он себя неважно, вслушивался в себя, был скован, зажат изнутри и ощущение, что он не здоров, угнетало, мешало дышать свободно, полной грудью, причиняло навязчивую душевную боль.

Мужик перестал перечислять его симптомы, подошел к потрескивающей дровами печи, снял с горячей плиты чайник, наполнил стакан жидкостью, по виду похожей на чай и протянул Штольцу со словами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.